

ИРИЖАБЛЬ

АЛЬМАНАХ-АЛЬБОМ
ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

НИЖНИЙ НОВГОРОД 1994

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Кирилл Скворцов (Санкт-Петербург)	4
Елена Ловер (Москва)	5
Николай Гнетнев (Нижний Новгород)	24
Михаил Погарский (Красногорск)	24
Владимир Плеханов (Нижний Новгород)	25
Андрей Стрелков (Нижний Новгород)	28
Елена Упорова (Москва)	29
Вадим Филиппов (Нижний Новгород)	29
Анатолий Грошков (Нижний Новгород)	41
Александр Дехтяр (Нижний Новгород)	42
Дмитрий Лихтерев (Нижний Новгород)	44

ПРОЗА

Андрей Битов (Москва)	2
Екатерина Садур (Москва)	6
Карло Карра (Милан)	26
Вячеслав Мазуров (Санкт-Петербург)	40

ЭССЕ

Елена Упорова (Москва)	32
Валерия Нарбикова (Москва)	38
Елена Соболева (Нижний Новгород)	47

РЕЧИ

Андрей Битов (Москва)	46
-----------------------	----

РИСУНКИ

Резо Габриадзе (Кутаиси)	2
Вячеслав Мазуров (Санкт-Петербург)	4,5,40
Игорь Мальцев (Нижний Новгород)	27
Александр Лавров (Нижний Новгород)	20,39
Леонид Тишков (Москва)	22,23
Александр Базякин (Нижний Новгород)	25
Александр Флоренский (Санкт-Петербург)	30
Ольга Флоренская (Санкт-Петербург)	30
Дмитрий Шагин (Санкт-Петербург)	30
Юрий Молодковец (Санкт-Петербург)	31
Владимир Шинкарев (Санкт-Петербург)	31
Павел Вещев (Санкт-Петербург)	41
Александр Кобяк (Санкт-Петербург)	42
Василий Бандаков (Нижний Новгород)	43
Николай Гнетнев (Нижний Новгород)	46
Евгений Стрелков (Нижний Новгород)	(титул)
Станислав Светоченков (Санкт-Петербург)	(обложка)
Дмитрий Покровский (Москва)	(скульптура)

Дизайн Инны Готской и Евгения Стрелкова при участии Вадима Филиппова

Редактор альманаха Евгений Стрелков

СПОНСОР ИЗДАНИЯ: ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТОРГОВАЯ АССОЦИАЦИЯ "НИКА"

© ПТА "НИКА"

© Редакционная группа "ДИРИЖАБЛЬ", 1994

Адрес редакции: 603116, Нижний Новгород, ул. Гордеевская 5, ПТА "НИКА"

Редакционная группа "Дирижабль"

Формат 75x90/16. Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл.-печ.л.3.9 Тираж 1000 экз. Зак. И-392.

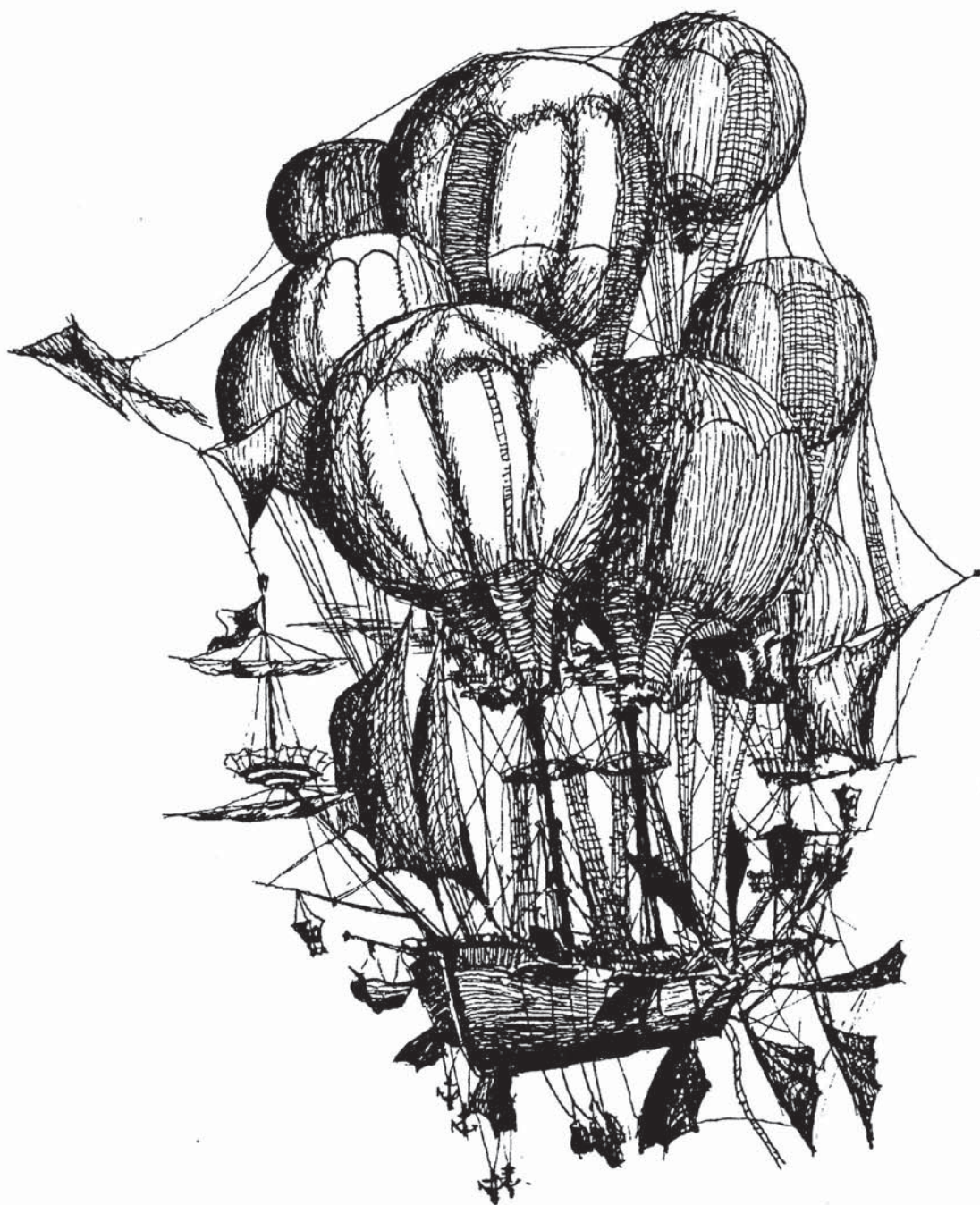
Отпечатано в типографии изд-ва "Чувашия", г.Чебоксары, пр.И.Яковлева, 13

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО "ТАНДЕМ" принимает вклады от населения

с выплатой дивидендов в размере 30 процентов в месяц.

Телефон: (095) 923 9124, Факс: (095) 921 4050

για λαμπροτατου βαιουντεζ α βρωσαιθερορ
испешно двигаясь в струях прозрачного воздуха

Андрей БИТОВ

Пока не требуют поэта...

(пьеса)

(За отмачиванием
и попыткой отклеить этикетку
с незаметно "вышедшей" бутылки Pushkin...)

Патриот: Ведь до чего дошли! Святое для каждого русского имя Пушкин эти немцы наклеили на бутылку водки! И торгуют Пушкиным в каждой лавчонке и пивной, и отдаленного представления не имея о светлом гении!

(Бурная овация)

С места, запальчиво: Не только торгуют, но и продают! Понимаете, продают!.. А у нас и водки-то нет. Мы одним Пушкиным и торгуем. Или введите копирайт на слово "Пушкин", или производите водку, черт возьми!

(Шиканье, крики: Западник! Русофоб! Сионист!)

Западник (получив свою долю энергии, успокоившись и осмелев): А вы хоть пилите водку "Пушкин"?

(Крики: "Продался!" "По заграницам шастают!" "И совсем уж истерически: "Водку пьют!")

Патриот: А таким вообще не место в этом зале!

(Голоса: "Правильно!" "Долой!")

Западник: Так вот, единственная претензия, которую можно предъявить немцам, что "Пушкин" - не самая лучшая у них водка. Не лучше, чем "Никита" или "Горбачев" (кстати, однофамилец, а не Михаил Сергеевич, а вдруг и Пушкин - однофамилец?..)

(Голоса: "Пушкина - не трогать!" "Не смей - Пушкина!")

Патриот: Доколе, братья! Ладно, Курилы, ладно, Крым, ладно... Но Пушкина!!?

(Голоса: "Пушкина - никогда! Пушкина мы им не отдадим!")

Западник: А вы "Гетевку" сделайте, и ладно. Тоже ведь кроме "Сатанатам" и "Блохи" вряд ли знаете...

(Обиженный голос: "Блоху не трожь! "Блоха" русская песня!")

Западник: Ладно, "Блоху" уступаю. Шляпин как никак. Потом, на Западе ее никто и не знает. Забыли уже. Вывели, хи-хи.. Доисторическое животное.

(Голоса: "Вон!" "Вали в свою Германию!" "Немец!" "Масон!"

Неуверенно: "Жид..."

Западник: Сам ты жид! Вы и есть жида, проевшие Россию!

(Неловко дерутся)

Западник (гордо уходя): Сделайте "Гетевку", дело говорю! Памяти Венечки Ерофеева. Рецепт-то ему принадлежит. Гете сам в рот не берет, а герои его пьют без устали, а он с них тащится, то есть балдеет...

(Голоса: "Шинкарь! Вот так и споили русский народ! Наркоман!.. Пидарас!..)

Западник: Да будь я негром преклонных лет!...

(Под крики "Жидомасон!" удаляется).

Его нагоняет иностранец.

Иностранец: Позвольте представиться. Фриц Кайзер, корреспондент. Слышал вашу речь, поздравляю. Очень мужественно, знаете ли... Вы позволите мне сделать вам небольшой подарок...

Западник (озираясь): Нет, что вы! Не надо.

Кайзер: Чисто символический... У меня совершенно случайно... *(достает из портфеля бутылку "Puschkin Vodka")*

Западник (восхищенно): Как вы могли знать?

Кайзер: Чистое совпадение. Русские любят такой подарок...

(Западник разглядывает бутылку)

Кайзер: Вы что, никогда ее не видели?

Западник (смущенно): В первый раз... Классишен Пушкин... Оранг Пушкин... Смешно... Знаете, по уверениям современников Пушкин очень походил на обезьяну.

Кайзер (вежливо): Вот как...

Западник (впившись в бутылку): И вот тут, смотрите! Как символично - две собаки дерутся... Трейд-марк. Или это разорванный пополам двуглавый орел - два орла дерутся? Или два дракона. А над чем они дерутся-то? Над земным шаром, что ли? Разделить хотят?

Или показывают друг другу язык? Не вижу без очков... Как вы думаете?

Кайзер (уклончиво): Я никогда не разглядывал... Я, знаете, сам не пью...

Западник (обиженно): Но читать-то вы умеете?

Кайзер: Я не читаю бутылок.

Западник: Ха-ха-ха. *(Возвращаясь обратно в зал)* Пойду покажу им!

Кайзер (испуганно): Вы смелый человек! Прошу, пожалуйста, поосторожнее...

Западник: Ничего, я не разобью!

(Стук, грохот, гром, треск стульев, крики: "Бей его! Осторожнее! Разобьешь, сука!"

Выходит окровавленный Патриот с бутылкой в руках)

Патриот (победно поднимая "Пушкина" над головой): Не отдадим им Пушкина! Не отдадим!

(Уводит за собой толпу единомышленников)

Кайзер (доставая из портфеля йод, пинцет и тампон, обрабатывает раны Западнику): Вы - герой! Вы дали им отпор! Я напишу о вас в Цайтунг-Цайтунг.

Западник (постанывая в отчаяньи): Моя бутылка!...

Кайзер (восхищенно): Какой удивительный русский народ!

Западник: Пропала бутылка...

Кайзер: У меня еще есть...

Западник (ликуя): Правда?

Кайзер: Сколько хотите! У меня много...

Западник: Тогда не в накладе, тогда пошли!

(Уходят)

Кайзер: Майн Готт...

(Занавес)

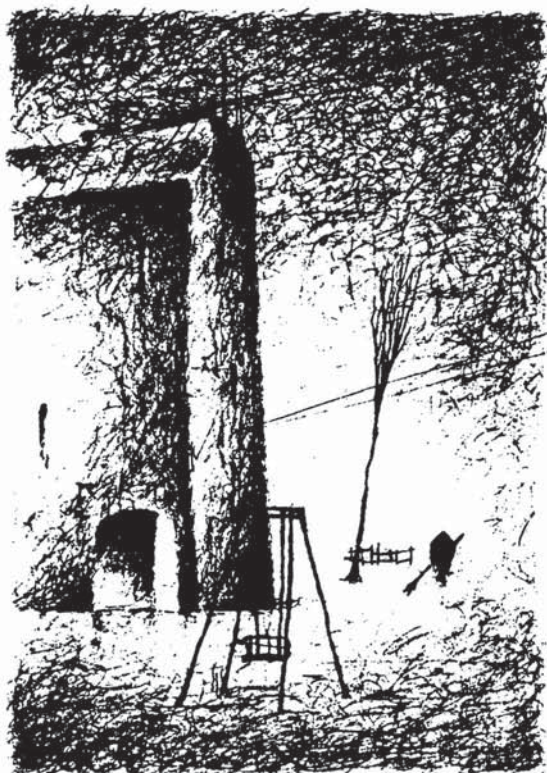
10.12.91, Feldating

Кирилл СКВОРЦОВ

Дом поплыл и исчез,
Как лицо в сильно прокуренном тамбуре.
Помню только занавески, развевающиеся из окон
Как белые флаги жителей
Перед опасностью быть забытыми
На пороге ноябрьской ночи.

Напротив старый дом-
Он дышит прежним,
И даже ретро для него не много значит-
Быть может, старости начало...
Но во дворе еще горят костры-
Вещей забытых и ненужных
Грустный праздник.
И стаи свежие безудержных мальчишек
С азартом бьют пенсне
Из уцелевших в рамах стекол.

Елена ЛОВЕР

Поезда дальнего следования
равнодушные змеи
подстерегают на вокзалах
вползают в душу
каждый раз меняют кожу
на мне

Сладкий чай
с привкусом поезда
или больницы
подстаканник -
спасательный круг
и ложечка стучит о край:
"ты попался
ты попался..."

Рисунки Вячеслава Мазурова

НОЧИ КОЗЛОВА /Бес полуденный/

Весну Козлов не любил, особенно раннее ее цветение, особенно когда пыльца оседала в нагретом воздухе, и воздух становился сладковатым на вкус... Зимние дожди постепенно затихали, и только по утрам замечал Козлов дрожащие капли влаги на виноградных листьях. "Значит, дождь прошел ночью", - думал он взволнованно. Море прогревалось все насквозь после долгой зимы, становилось прозрачным до самого дна; а на дне желтый песок, мягкий, и водоросли, и еще что-то, никому не ведомое... Каждое утро девушки шли на море мимо дома Козлова. Ветер раздувал подола их ситцевых платьев, от чего платья становились похожими на разноцветные, в яблоках, паруса. Девушки звонко смеялись, и молодое сердце Козлова начинало болезненно ныть. Сосед Ваня кричал: "Гы! Гы!" из виноградных зарослей, не зная, что сказать более, и Козлов видел, как краснело все Ванино лицо и даже уши точно огнем наливались...

Весной зацветала какая-то едкая трава желтым горящим огоньком на тонком зеленом стебле. "Погибель моя", - каждый раз думал Козлов, вдыхая сладкий ее аромат, и бледное лицо его покрывалось мелкой розовой сыпью... Весной воздух становился прозрачным и как бы струился, а вместе с воздухом струились очертания домов, и виноградники вдоль изгородей, и разбурившиеся лица прохожих. Земля постепенно прогревалась, и Козлов чувствовал ее тепло выемками стопы...

А вечерами сосед Ваня играл на дудке у плетня, и сердце Козлова опять начинало болезненно ныть. Баба Зина выходила на крыльцо лузгать семечки и вздыхать под грустную Ванину музыку, а вздыхала баба Зина долго, и к ночи ступеньки покрывались черной блестящей шелухой...

- Хоть бы что веселое сыграл, - сказала раз баба Зина, - а то тоскливо у нас на Малой Мамайской...

Но Ваня не расслышал ее слов, просто лежал себе на примятой траве, дул в дудочку и смотрел, как зажигаются одна за другой на небе частые звезды... Де-

вушки возвращались с моря усталые и притихшие, останавливались, привлеченные его игрой, и Козлов стоял тут же, рядом с ними, скрытый виноградными листьями, стоял, потупившись, так, что видел лишь серый налет пыли на их босых ногах. А однажды поднял он глаза и увидел, как ветер сдувает косынку с чьих-то плеч, нежное пятно обгоревшей кожи увидел Козлов, а вот лица разглядеть не удалось. "Погибель моя", - думал он, стремительно уходя в дом. Весной Козлов томился...

Ночи весной были темными и влажными, как флакон с чернилами. Дождь шел незаметно и тихо, словно боясь кого-то разбудить, а к утру прекращался так же незаметно, оставив лишь холодные капли росы на листьях и траве...

Странно было смотреть ночью с улицы Малая Мамайская на окна Козлова. Темно-синие днем, занавески озарялись вдруг ярким светом свечи и становились бледно-голубыми, и казалось, что комната полна гостей, но все они застыли неподвижно. А между неподвижными гостями бродит кто-то со свечой в руке, точь-в-точь похожий на Козлова, всматривается в их лица и проводит рукой по волосам, не то гладит, не то пыль стряхивает...

Ночью Козлов просыпался, лежал долгое время в темноте с открытыми глазами и вслушивался в звуки на улице. А на улице - тишина... Козлов вставал и зажигал свечу, электричества не любил. "Глаза оно режет", - думал он. Стены в его комнате становились розовыми от света свечи, но розовыми по-особому, с налетом темноты. Рассохшийся стол в углу в глубине комнаты блестел, и желтое, дрожащее пламя отражалось в его полированной поверхности. Из темноты проступали очертания восковых фигур, а в тусклом свете свечи их тени странно плясали на стенах. Плясала и тень Козлова. Козлову нравилось: делает он шаг, а его тень на стене вздрогнет и вытянется, и за ней другие тени задрожат, словно хоровод или свита; повернет голову, и тень на стене послушно повернется. "Я ваш хозяин", - говорил Козлов восковым фигурам, но

они молчали в ответ. "Хозяин ваш я", - повторял Козлов, глядя на пляшущие тени...

Каждую ночь Козлов топил воск и лепил, и комната его постепенно населялась странными восковыми гостями. Козлов раскрашивал им лица, и они казались живыми. Здесь была рыжая девчонка с дворнягой. Козлову хотелось, чтобы девчонка улыбалась, но когда он рисовал ей лицо, то рука его почему-то дрогнула, и улыбка съехала слегка набок, как бы усмешка. Рядом сидел старик, продавец яблок. Козлов вылепил его слегка сутулым, с широкими бугристыми ладонями, а глаза сделал блекло-голубыми от старости. Перед стариком лежали яблоки, аккуратно разложенные в треугольные горки. Яблоки были огненно-красными с желтыми вкраплениями вокруг черенка и ничем не отличались от настоящих. Одно даже - Козлов гордился - со следами чьих-то зубов. Кажется, соседский мальчишка решил, что яблоки совсем недавно из сада и хотел откусить, но его зубы лишь проскользнули по затвердевшему воску. Рядом со стариком сидела баба Зина с двумя подсолнухами на тонких ножках и овечкой. Когда баба Зина увидела это свое восковое изваяние среди подсолнухов и любимую раскормленную овцу, то вскрикнула громко и ударила себя с размаху по коленкам. Были здесь и незаконченные фигуры, однорукие и безглазые, их Козлов почему-то боялся и прятал в угол...

Однажды во сне Козлов услышал плач, тонкий и рвущийся, как могут плакать только младенцы. "Наверное, из угла", - подумал он испуганно и открыл глаза. Темнота расплылась в его сонных глазах черно-синей полосой.

- Может, мне приснилось? - спросил Козлов и перекрестился. Но плач тут же повторился, на этот раз - жидкий, водянистый вопль за окном. "А, кошки весенние", - решил он облегченно и, по обыкновению, зажег свечу. Отблески желтого пламени запрыгали на лицах восковых калек, и каждый раз, при новом дрожании огня, высвечивалось или отсутствие глаз, или гладкий восковой подбородок, лишенный рта. В зеркале на стене отразился желто-розовый Козлов со свечой в руке; с одной стороны на него смотрели раскрашенные, слегка лоснящиеся лица, а с другой - искривленные и словно изъеденные оспой. И

вдруг Козлову ясно представилось, как все они вздыхают и стонут и медленно, шаг за шагом, приближаются к нему, а безногие цепляются за тех, кто может ходить. И вот они идут и выкрикивают что-то бессвязное ему в лицо; слов Козлов разобрать не может, но догадывается, что все это укору. И вдруг все фигуры начинают таять: сначала расплываются их очертания, словно плавятся от огня, и теплые капли воска звонко падают на пол, а потом уже не фигуры, а огарки стоят перед Козловым, и на пол хлещет горячая струя...

- Что за наваждение! - крикнул он, пугаясь собственного голоса, и ему показалось, что от крика потолок пошел трещинами...

Ночью улица Малая Мамайская утопала в фиолетовой дымке, и зеленые виноградники становились черно-зелеными, а белые стены домов казались голубыми. Земля от дождя размокла и влажно всхлипывала под ногами поздних прохожих...

- Что за наваждение! - повторил Козлов, но уже шепотом. Известка пылью осыпалась на руки Козлову, и руки стали белые, как у гипсовых статуй на вокзале. Занавески на окнах приподнялись, словно от дыхания, обнажая гладкие оконные стекла и ночь на улице, в саду, и тут же опустились обратно.

- Есть кто? - спросил Козлов в темноту. Огарок свечи осветил едва-едва смятые цветы.

- Есть, - раздался тихий голос, и в синем проеме окна показалось лицо, маленькое и сморщенное, как яблочко китайский ранет. Два глаза блестели черными каплями. Козлов разглядел: это была девушка, гибкая и маленькая, как будто ссохшаяся.

- Тебе чего надо? - спросил Козлов одними губами, боясь, что от громкого голоса потолок опять покроется трещинами.

- Аленка я, - сказала девушка, причем казалось, что говорят только губы, злобно выгибаясь, а само лицо остается неподвижным.

- Вижу...

Лицо за окном улыбнулось - желтое яблочко покрылось сетью морщин.

- Там, в углу, - и она указала коротким острым пальцем в глубь комнаты. Козлов улыбнулся - пустыми лицами смотр-

рели на него фигуры-калеки. - Нет, выше, - прошептала она, - иконка в углу висит, видишь? - Козлов кивнул. - Ты ее к стене поверни, а то она мне мешает, - и засмеялась визгливо: тонкие губы прыгнули в улыбку, углами вверх, открывая маленькие ровные зубки. Стены в комнате Козлова задрожали, часто вздыхая, и половицы загудели под его ногами, тяжело дыша, и вся комната превратилась в глубокий вздох. Козлов повернул икону к стене, чувствуя, что сил больше нет и воздуха не хватает...

Бабе Зине приснился горячий полдень августа и половинка сахарного арбуза. Рой сонный мух завис с гудением над арбузом, и баба Зина ясно видела, что мухи такие же черные и блестящие, как семечки в красной мякоти. Розовая капля сока вытекла на скатерть. Она сначала дрожала на белом полотне, и черные мухи дрожали над ней, но потом впиталась и превратилась в розовое пятно. Очки съехали с бабзиного носа, и ясность ее зрения тут же пропала. Мухи казались ей теперь черными точечками в нагретом воздухе, а арбуз - большим красным пятном в зеленом ободке... Баба Зина выглянула в окно, так и не поправив очки, - как синий шелк струилось августовское небо, пенились облака. Но вот показалась туча, синяя и густая. Она плыла по небу как бы в золотистом сиянии. Сам Илия Громовержец стоял на туче, скрестив могучие руки на груди. У ног его, больших и розовых, сушились блестящие молнии.

- Сидишь, Зинаида? - спросил Илия строго, сделав брови птичкой.

- Сижу, батюшка, - отвечала баба Зина, часто крестясь и кланяясь, - арбузику не откушаете?

Илия кивнул важно. Баба Зина вонзила нож в упругую полосатую корку и с хрустом вырезала розовый треугольник. - Натe, пожалуйста!

Илия ел арбуз и хвалил бабу Зину, а баба Зина видела, как по его руке прозрачной змейкой стекает сок за рукав. Илия удалился с куском арбуза, а баба Зина сидела и смотрела ему вслед, на его лиловый плащ и лиловую тучу под ним, на круглые розовые пятки, виднеющиеся из-под плаща...

На утро баба Зина вышла в сад и все вспоминала свой сон. "К чему такое привиделось?" - спрашивала она и поглаживала белую, как облако, овцу. Ов-

ца смотрела мутно-любящими глазами и жевала неторопливо. Воздух был еще по-утреннему влажен, и ночной туман еще не рассеялся, и поэтому казалось, что на траву кто-то пролил молоко, и на виноград, и на яблони. Баба Зина села пить утренний чай.

- Петровна! - крикнула она через изгородь.

- Ась?

- Шла б ко мне!

И Петровна пришла. Она была росту небольшого, вся высохшая, а голову на длинной шее вытягивала далеко перед собой, словно вглядываясь в даль. А баба Зина была большая и сдобная, носила ситцевый белый платок, как в молодости, и очки с толстыми, мутными стеклами в черной оправе восьмеркой. Сидели прямо в саду, за круглым деревянным столом, крытым клеенкой. Чай наливали из чайника - и сразу в блюдца и долго дули, вытягивая губы трубочкой. Блюдца были тонкими и прозрачными и, наполнившись чаем, отражали небо. Баба Зина громко кашляла, точно стреляли из пистолета.

- А мне, - сказала баба Зина, откашлявшись, - тучи снились. Все плывут по небу, плывут, мягонькие, что твоя перина. Белые... но тут одна синяя показалась. Ну, думаю, неспроста... и точно - на ней сам Илия Пророк едет!

- Да что ты! - вскричала Петровна.

- Да, да, да! Едите, значить, Илия Пророк, весь такой в золоте. А у ног его молнии лежат золотые и сверкают, ярко так, что глаза слезятся. Илия к моему окну подъезжает и говорит: "Здравствуй, Зинаида!"

- Да ты что!

- Да, да, да! Подъезжает, значит, Илия...

На круглом столе, покрытом вздувшейся от дождя клеенкой, стоял алюминиевый мутный чайник с деревянной ручкой, обмотанной полотенцем. По клеенке растекалась ржавая капля, и в ней плывал засохший виноградный лист. Узор клеенки, красные с белым ромбы, преломился в дрожании воды. В саду бабы Зины цвела сирень, отчего воздух становился тяжелым и сладким. Стояли на столе фаянсовые блюдца для чая, и чашки, так и оставшиеся пустыми, и глубокая тарелка с сиреневой полоской по краю, словно впитавшая в себя сиреневые трехцветья. Тарелка была полна

круглых, золотисто-розовых блинов. Каждый раз баба Зина брала блин, внимательно в него вглядывалась, а потом смотрела вверх, на небо, словно проверяя, насколько блин похож на солнце. И блин на солнце походил. Лежало на столе и масло, завернутое в прозрачную бумагу. Баба Зина с шуршанием разворачивала обертку и отрезала тонкие кусочки, настолько тонкие, что видно становилось острие ножа. От соприкосновения с горячим маслом пенилось. Петровна забеливала чай молоком.

- Это чтоб не жгло, - поясняла она, и молоко расплывалось белыми змейками, и чай все белел, белел... Стоял на столе и простой граненый стакан с яблоневой веткой в белых цветах. Ветка уже успела прижиться от долгого стояния и весны и пустила тонкие нити корней. Они шевелились в воде и дрожали, как живые...

- Это, верно, арбуз нужно принести бабюшке, - сказала Петровна, выслушав бабзинин сон.

- Вот и я тоже думала. Да где его взять, арбуз? Чай, сейчас весна, а не август...

- Это да, - протянула Петровна и вдруг, перегнувшись через стол, сказала шепотом: - А про Аленку-то слыхала?

- А чего Аленка? - спросила баба Зина.

- Проснулась она, говорят, после зимы, - прошептала Петровна вкрадчиво, - и опять ходит по улицам, и смотрит по сторонам... Все парней помоложе выискивает, да только никто ей не люб! Ох, чувствую, не будет покоя!

- Да ты что! - сказала баба Зина, прекрестившись, - прости, Господи!

- Да, да, да! Так и есть, - продолжала Петровна, - а помнишь Пашку Никифорова, молоденький такой был? Еще весной прошлой пропал?

- Помню, - отвечала баба Зина, замирая с поднесенным ко рту блюдцем, - его долго искали, но не нашли нигде... Сбежал, говорили, из города...

- Э, нет, - шептала Петровна, - не то вовсе говорили! Слышала я, что Аленка заманила его ночью в море, он плыл за ней, плыл, а потом вдруг устал и захотел вернуться. Да только Аленка наколдовала так, что он перепутал, где берег, где море... Он думал, что плывет к берегу, а сам все в море уплывал дальше и дальше...

- Да ты что! - вскричала баба Зина.

- Да, да, да! - он ко дну пошел, а Аленка за ним нырнула и стала ласкаться к нему, мертвому. Ей-то под водой легко, не то что нам. У нее ноги в рыбий хвост срастаются...

- Так и есть, - подтвердила баба Зина, - шла я как-то на рынок, а навстречу мне Аленка. Идет босая по пыли. "Ты что это, говорю, девушка, босая ходишь?" А она смеется и молчит. И вдруг вижу я, что ноги у ней все в чешуйках...

- А она ведь не только Пашку погубила, - продолжала Петровна, пугливо озираясь по сторонам, - она ведь многих на дно утянула. И, говорят, целует она их на дне и обращается рыбой, а потом выходит на берег снова девушкой и плачет... А еще говорят - кого полюбит, того погубит...

Баба Зина откусывала от блина маленькие кусочки и громко ахала на слова Петровны.

- Она только зимой успокаивается, становится, как все. Это значит - засыпает. А весной словно бы расцветает, да только ядовито это ее цветенье...

- Так и есть, так и есть, - кивала баба Зина, испуганно блеяла овца...

А тем временем проснулся Козлов... всю ночь ему снилось, будто рыжая девчонка с красным ртом на бок вдруг ожила и стала бегать с визгом по комнате и смотреть сощуренно, и показывать ему язык, огненно-красный, как узкая лента... "Как это я уснул с огарком в руке? - думал Козлов, - как это я не заметил", и он смотрел на обожженные горячим воском пальцы и на белые, вздувшиеся волдыри с влагой внутри. Окно было закрыто плотно на щеколду, и цветы за окном льнули к самому стеклу. Воздух в комнате прогрелся за утро, и Козлов чувствовал нестерпимую затхлость его и духоту. "Странные сны мне снятся", - думал он, вспоминая прошедшую беспокойную ночь. Но восковые фигуры спокойно стояли вдоль стен, покрытые разноцветными красками, нарастающие.

- Ася, - сказал Козлов и подошел к маленькой восковой кукле у изголовья кровати. Эту свою куклу Козлов любил. "Все должно быть как в жизни", - думал он, вылепливая ее из воска. И получилось как отражение в зеркале, как сестра-близнец. Козлов даже сам не знал, кого он любит больше: живую ли девушку или неподвижную копию. Каждое ут-

ро разговаривал с ней Козлов, легко держал за восковые запястья (знал, что сильно пальцы сжимать нельзя, иначе воск начнет таять), смотрел в ее лицо, в серо-голубые глаза с расширенными зрачками, а в ответ на него смотрело раскрашенное кукольное личико.

- Слушай меня, девушка, - сказал ей Козлов, - вот уже вторую весну как ты, сама того не зная, ранишь мне сердце. Ты вся нежная и прозрачная, и даже солнце тебя не обжигает. Мы живем в одном городе, но я до сих пор не знаю, как к тебе подойти!..

И вдруг молочно-белое лицо Асино словно плеснуло в глаза Козлову смуглостью, и смотрели на него не серо-голубые глаза, а черные глазки-бусинки хищного зверька.

- Аленка...- прошептал он в ужасе, и вдруг увидел, что иконка-то Божьей матери повернута к стене... "Так, значит, это был не сон," - прошептал он, чувствуя удар куда-то в область сердца.

- Аленка!..

Козлов вышел в сад, и сад впервые потряс его своей красотой, но красота эта была не радостная, а как от рыдания... Утро было еще влажным и в молочном тумане. И туман белел настолько, что даже отдавал синевою. Треугольные початки сирени, сложенные из мелких трехцветий, разъедали нежные ноздри Козлова тяжелым, дурманящим запахом. Увядающие цветы яблони казались ему белыми клочками бумаги на чем-то большом и зеленом... "На живом стою", - подумал он, глядя в землю. А она еще не прогрелась после ночи и прикасалась к его ногам нежно, но холодно, как бы прощаясь. И яблоня, китайский ранет, тоже покрылась этой весной бумажными цветами. Деревце-карлик, горбун с рассохшимся стволом, спало всю зиму, а теперь вот, весною, проснулось, наполнилось изнутри трепетным бурлением, и Козлов видел в трещинах коры темный древесный сок. Вздохи послышались из кудрявых зарослей бабы Зины и шелестящий шепот. Опять услышал Козлов: "Аленка", опять услышал: "Кого полюбит, того погубит", и подумал в тоске: "Уж не меня ли она полюбила?"

Аленка лежала на камнях, подставив солнцу скуластое лицо. Она закрыла глаза от жгучих лучей, и сквозь опущенные веки воздух казался ей розовым,

сначала прозрачным, но потом все сгустился, багровея, и вливался в раскрытые ладони, растекался по всему телу, от пяток до затылка, и темя приятно тяжелело. Но когда тяжесть уже перестала быть приятной и стала болью, Аленка поднялась и вошла в море. "Какое ты все чистенькое", - шептала она, скользя ногой по гальке, темной от воды. Аленка была маленькая и упругая, покрытая ровным золотистым загаром, а от соприкосновения с водой ее кожа становилась еще темнее. Аленка зачерпнула немного моря в ладонь, и линии на ее руке четко обозначились. Солнце отразилось в горсти с водой бликом-полумесяцем; линия жизни задрожала розовой змейкой...

Зимой Аленка жила спокойно, смотрела из окна, как падает снег в море, а море бушует в декабре. А если не снег, то дождь льет, и по воде расходятся круги. Но весной она понимала, что зимняя тоска проходит, и странная просыпается сила, такая, что хочется рыдать и бежать быстро, неизвестно куда, а потом уже не бежать, а лететь высоко над землей, да так, чтоб выше ангелов, и еще...

Небо сливалось с морем, но Аленка зорко вглядывалась в даль. Вот уже на воде показались белые барашки, первая примета шторма, но Аленка все не уходила, и на губах у нее играла чуть заметная улыбка, вот уже по воде пошла рябь, но Аленка все еще стояла, слегка сощурясь. Она четко видела, как кто-то сильный плывет к берегу. Она могла различить бронзовые плечи пловца и птичьи взмахи мускулистых рук, но только лица она еще не разглядела. Казалось, пловец специально прятался, опуская лицо в воду, и выныривал только чтобы вдохнуть. Но вот он вдруг вытянулся в воде всем своим легким телом и замер неподвижно, отдыхая. И тут Аленка увидела его лицо. "Красивый, - подумала она, странно улыбаясь, - сейчас потонет..." Пловец исчез под водой...

В тяжком предчувствии Козлов вышел на улицу. Это была обычная прогулка, но утро томило его. Было прохладно и влажно в тени виноградников. Еще даже пыль не оседала, пыль клубится только днем от солнца и жары. Козлов направился на станцию, к вокзалу. Виноградники кончились, и он вышел на большую пыльную дорогу. Жара обожгла его. До Козлова доплыли звуки. Гар-

монист дядя Саша играл в тени. На черном пиджаке звенели медали. От медалей шли иглы свечения...

Козлов шел как в тумане, как в колдовстве, ему казалось, что все взгляды на улице обращены на него, что все толкают его ненароком, а потом тихо смеются вслед. Но прохожие спокойно шли мимо, слегка морщась от запаха пота, утомленные утренней жарой. Им было не до Козлова, они его не замечали. Он в толпе не выделялся: росту был невысокого, узок в плечах, волосы носил на прямой пробор. Лицо у него было узкое, с заостренным подбородком, а глаза - бледно-зеленые, как разведенные водой, и только иногда они вспыхивали и казались зеленее трав. Выражение лица Козлов имел недоброе, "сурьезное", как говорила баба Зина, и телом был слаб, если б не руки. Руки у Козлова были сильные, с тонкими заостренными пальцами, но при прикосновении гудела в них горячая сила... Козлов медленно шел на станцию. Ситцевая рубашка с сине-зеленым узором прилипла к потной спине. Хотелось холодного сквозного ветра...

Станция в городе была маленькая, местные называли ее вокзал, хотя никакого вокзала не было и в помине... Пористый асфальт, весь в раздавленных желто-белых окурках и пузырчатых плевках, раскалился. Козлов видел, как травка какая-то желтая робко змеилась в глубоких трещинах. "Ути, Господи..." - думал... Идти было тяжело... Две гипсовые статуи изнемогали под солнцем и, томясь, смотрели на Козлова. Одна - с нежным взглядом девы и улыбкой на каменных губах - опиралась на весло. Она слегка согнула руку, чтобы лучше опираться, но в ложбинке ее локтя скопилась дождевая влага, и в этой рыжей лужице плавал высохший лист. Вторая статуя был мальчишка...

Козлов остановился возле гипсовой девы, разглядывая стыдливые тесемки кулальника на ее античных плечах...

Прибыл поезд, и за время недолгого его стояния на платформу вышла высокая бледная женщина с Севера с маленькой бледной дочкой. В руках она держала клеенчатый чемодан, перевязанный веревочкой, и Козлов видел, как затекли и покраснели ее мягкие пальцы. Из щели чемодана торчало что-то белое и марлевое.

- Мама, это юг? - звонко спросила девочка, растопырив пальчики. Ручки у нее были маленькие и припухлые от детства. Женщина сощурилась на солнце. На бледной ее коже Козлов усмотрел серый налет вагонной грязи, но еще увидел Козлов, как резная тень от листьев падает на ее лицо и как длинная тень от ресниц, дрожащая на скулах. "Наш город недостойн этого чуда," - подумал он. Неожиданный ветер приподнял подол тяжелой юбки, обнажая бледные колени, еще не знающие моря. От ветра в воздухе стало горько. На небе оседала сухая пыль. Козлов спросил:

- Помочь-чь-чь?.. - глядя на клеенчатый чемодан, уже блестящий от жары. Ветер с шелестеньем приподнял газету над асфальтом, и газета, пожелтевшая, в черных буквах, обернулась вокруг гипсовой девы. Женщина случайно взглянула на Козлова сквозь голубой прищур, но не расслышала его слов, ей казалось, что это ветер шелестит бумагой. Она разглядывала статую, укрытую газетой, и надпись на пьедестале: "...евушка с веслом", а на асфальте позолоченной подковкой блестела буква "д".

Из окна Ася видела металлическую крышу дома Козлова с кирпичной трубой в пятнах копоти. Днем крыша раскалялась. Но когда по железу ползли оранжевые отсветы, она понимала, что наступил вечер. Ася думала о Козлове: "Вот уже вторую весну я прохожу мимо его дома и его взгляд обжигает. Почему он стоит молча, не подходит ко мне?"

В липком воздухе томился Козлов. Дышалось ему как бы с усилием, и от дыхания ныла грудь. День разгорался. Тень не спасала. Женщина с Севера брела по городу в предчувствии моря. В одной руке она держала чемодан, перевязанный бечевкой, а в другой - пухлую дочкину ладонь. Пальцы затекли. Девочка смотрела умно. Из узких разрезов панамки торчали два черных хвостика, стянутые цветными резинками. "Когда же день пройдет? - шептал Козлов в предвкушении ночи, - когда же день пройдет? Когда же..." - ясно представляя, как он вылепливает прекрасную шею женщины с Севера, белую, с легким налетом вагонной грязи. Узкая спина женщины с Севера покачивалась в толпе. Девочка семенила следом маленькими ножками в мохнатых носочках. Показалась впереди металличе-

ская дуга ворот, выкрашенная в густое и синее. Козлов уловил в воздухе кислотный запах рынка. Весной продавали запасы зимы и первое цветение мая. Состриженные ветки сирени стояли на прилавках в стеклянных банках с пожелтевшей водой. Несколько веток упали в грязь и превратились в скользкую кашичку под ногами прохожих.

- Мама, купи! - звонко требовала девочка с Севера, и мама послушно покупала. Сморщенные шкурки инжира продавали хохлы. Яблоки, еще с той зимы, желтые в красных прожилках, ровно лежали, натертые растительным маслом. Лица хохлов блестели. Орехи в каменной скорлупе раскатились по прилавку, несколько расколотых лежали для всеобщего обозрения. Козлов видел желтоватый их мозг. Разноцветные деньги мелькали веером в руках женщины с Севера, а Козлов смотрел как тонки ее пальцы и томился в ожидании ночи.

Татарин продавал осла. Осел кричал. Алыча отцветала. Татарин бил осла хлыстом. Осел бил татарина хвостом.

- Мама, купи! - сказала девочка с Севера. Мама молча думала. Цветы алычи засохли и скрутились в трубочки... Осы в купальниках начала века зависли над медом.

- Па-а-ашли... па-а-ашли... - отмахивался хохол. Баба Зина продавала треугольные семечки, похожие на жуков, сложивших крылья. Насыпала железным совком в граненый стакан. Совок почернел. На газете лежали связки трав: лохматые букеты мяты в белой пыли, золотистые, из мелких сердечек - шалфея, фиолетовые с зеленым - душицы. Пахло терпко. Козлов подошел.

- Бледный какой! - сказала баба Зина. - Ночь не спал? Ямы черные под глазами...

- Мне бы травы от сердца, - простонал Козлов.

- Сердце болит, говоришь? - баба Зина внимательно всмотрелась в Козлова, - тебе трава не поможет. От тоски трава не берет... Лучше завтра приходи - разложу карты!

Тянулись прилавки с мясом. Студенстые куски колыхались. Они размякли под солнцем. Гудели мухи. Продавцы махали газетами. Дедушка продавал две головы - свиную, уши торчком, гла-

за закрыты, и коровью - с белыми рогами. Просил недорого. Козлов боялся...

Кислый запах кумыса дразнил ноздри Козлова. Кумыс стоял в жестяных бидонах. Он был белый и гладкий, как детская кожа. Женщина с Севера везла клеенчатый чехол на осле. Она попросила кумыс в маленькую кружечку. Она поднесла кружечку к губам и стала пить, запрокинув голову. Белая струйка текла от губ к подбородку. Дочь смотрела на мать и просила кумыс. Женщина налила еще кружечку, и Козлову показалось, что яркий ее рот обведен теперь чем-то белым и нежным.

На рыбу Козлов дивился. Ему запомнилась одна с зелеными глазами и пальцами-плавниками. В ее жабрах запеклась черная кровь. Козлов захотел ее купить. Стал торговаться. Вся другая рыба была мертвая, с серебряной чешуей, и вспоротые рыбы животики оказывались розовыми внутри...

У выхода с рынка сидел сосед Ваня. Ваня продавал блестящие украшения из железа. От жары железо раскалилось. Были тут и серьги-голубки с черными глазками, и крученые колечки с красными стеклянными камушками, и желто-черные бусы из береговых ракушек, и стеклянные бусы, похожие на рыбы глаза, и серьги-сердца, и серьги-весы...

- Мама, купи! - приказала девочка, топнув пухлой ножкой. Женщина с Севера остановила осла и послушно протянула денежку, и тут же в ажурных ушках девочки заблестели железные сердца...

"Ночи, ночи хочу," - шептал Козлов, глядя, как разгорается день, и прикладывал руку к груди. Ему казалось, что его сердце стало птицей и птица эта рвется наружу.

По Малой Мамайской Козлов спустился к морю, прочитывая по пути на голубых калитках: "Комната не сд..." Женщина с Севера шла с девочкой впереди и чихала от пыли. Осел шел следом. Девочка обрывала виноградные листья, и вскоре у нее скопился их целый букет. Бледная девочка с Севера крикнула звонко:

- Ой, мама, гляди, какая собачка!

А это была овечка, Козлов смеялся.

А увидев их море, девочка только и сказала: "Ой, мама!", потому что слов больше не хватило. И Козлов смеялся опять.

А море их было чарующим. Синее с желтым. Женщина остановилась и раз-

улась. Сняла сначала матерчатые босоножки с ремнями крест-накрест, затем стянула шерстяные коричневые носки. Ножки у нее оказались узкие и белые с округлыми розовыми ноготками. Она посадила девочку верхом на осла и развязала ее тесные туфельки на шнуровке. Женщина с Севера вошла в море. Подол суконной юбки потемнел от воды. Осел пошел следом. Девочка сидела ровно, прижав розовые пятки к потным бокам осла. Берег удалялся. Осел поплыл. Панамка с прорезями маячила вдалеке.

На берегу толпился народ. Кто-то кричал и размахивал руками. Козлов думал, что кричат из-за осла, не хотят пускать в море. Козлов подошел к кричащим. На горячих булыжниках лежал утопленник. Он был еще совсем как живой. С широко раскрытыми глазами. Глаза его были синими и точно впитавшими море. Он лежал, совсем по-живому раскинув руки, и совсем по-живому камни отпечатывались на его загорелой коже. К щеке его прилип маленький камушек, сухой, с налетом сероватой пыли. Рот его был слегка приоткрыт как для просьбы или поцелуя, но пена уже выступила белыми пузырьками на губах, и все понимали: мертв. В толпе Козлов рассмотрел Аленку, она внимательно вглядывалась в лицо утопленника, и губы ее были слегка приоткрыты, словно отвечали на поцелуй.

- Молоденький какой, - вздохнула женщина в толпе, - Потонул недавно...

- Красивенький, - откликнулась другая.

- Ой, знаю я, чьих рук это дело, - сказала третья и посмотрела на Аленку. Губы Аленки тут же сжались и выгнулись в улыбку, странную и жгучую, словно потянул ее кто-то вверх за уголок рта. Она окинула взглядом толпу и остановилась на Козлове. И тут же понял Козлов, что улыбка была для него, и тут же почувствовал, как зануло все его тело. Он напроць забыл о своем ночном желании вылепить белотелую женщину с Севера и ее маленькую дочку с ее влажным лобиком.

- Аленка, - прошептал Козлов в ужасе. Но тут же увидел в толпе Асю. Он почувствовал на миг прилив нежности, и от нежности этой ему захотелось рыдать. Ему захотелось рассказать всем о своей тоске, чтобы все выслушали и поняли и зарыдали бы вместе с ним, но губы не слушались и по-прежнему произ-

носили имя "Аленка"... - Что же это со мной? - прошептал он. Аленка исчезла в толпе. - Не уходила бы...

Козлов шел по городу в тоске. Город от жары томился и засыпал. Дворняги лежали в пыли, вытянув короткие лапы и закатив глаза. Мимо Козлова мелькали потные тела, на лицах он различал лень и полудрему, но полностью уловить выражение не мог. А лица размякли от жары и словно таяли: глаза затуманились, углы губ вытянулись вниз, на переносье дрожали капли пота. Козлов никого не узнавал. Козлов шел близко к изгородям, и ветви отцветающих яблонь хлестали его по лицу, но он и этого не замечал. "Аленка, Аленка, - все шептал он, - не уходила бы..." Сердце его ныло от тоски, и тоска эта высасывала силы. Козлов прикладывал руку к груди, словно пытаясь что-то удержать. Его волосы слиплись от пота и торчали клочьями. Он встретил на пути мраморную ножку фонтана с питьевой водой. Он склонился, чтобы напиться, и увидел пластмассовую синюю русалку, поддерживающую голову собственным хвостом. В руках русалка держала кувшинчик, и из узкого кувшинного горла вытекала теплая струйка воды. Козлов смочил сухие губы и почувствовал во рту привкус ржавчины. Он задержался, чтобы рассмотреть трещину в мраморе и зеленые вкрапления. Он думал: "Как там, под водой? Дно, наверное, все зеленое..." и ясно видел Аленкино лицо. Прошел дядя Саша. Играл "Прощание славянки", раздвигая красные складки гармонии.

Козлов остановился у столовой. Из открытых окон несся жирный запах невымытых тарелок и лязг посуды. Повара, закатав рукава, выкидывали из кастрюль рыжие остатки котлет и бледные комья лапши. Козлов видел, как мелькают их локти в ямочках и как натягиваются мышцы под рыхлой кожей. "Я посильнее буду," - думал он, разглядывая свои руки. С громким смехом пронеслась мимо Козлова стайка цветастых платьев. "Живые, - подумал Козлов, - смеются... - и тут же испугался собственных мыслей, - да разве ж я сам не живой и смеяться не могу?" Чье-то загорелое тело лениво потянулось в толпе к Козлову, опять увидел он под ситцевой косыночной нежное пятно обгоревшей кожи и опять не разглядел лица. Он услышал: "Приходи завтра вечером в крепость!" И в этом жарком "приходи" ему почудилась Аленка. "Зачем ты меня за сердце де-

ргаешь?" - спросил он. Но она уже исчезла в толпе. Козлову стало тревожно...

Так бродил он до вечера. Прохожие очнулись от полуденного сна и оглядывались на него удивленно. Он бормотал что-то неясное и по-прежнему никого не узнавал. "Ну, влип..." - говорили ему вслед. Козлов же шептал: "Аленка..."

Стало темнеть, и Ваня заиграл на дудке. "Хоть бы не свистел уж," - подумал Козлов в тоске. И когда стало совсем темно и на небе появились первые звезды, Козлов долго всматривался в их бледное мерцание, и ему стало поспокойнее. И вот одна из звезд стремительно скатилась вниз. "Чтобы мне хорошо было!" - крикнул Козлов на прощанье...

Аленка стояла на берегу, глядя на падающие звезды. "Чтобы мне хорошо было!" - подумала она, усмехаясь.

Ночь Козлов провел беспокойную. Ему снилось, что Аленка растегнула пальчиками ворот его рубашки и вынула сердце, красное и влажное. Козлову стало больно в опустевшей груди, а Аленка бросила сердце на гальку и втоптала ножкой. Мокрые камушки облепили коростой большое сердце Козлова и ноги Аленки, спрятав чешуйки вдоль ступней. "Поплыли," - сказала Аленка, увлекая за собой Козлова. Козлов знал, что в море с ней нельзя. Море сначала поднялось до колен, потом до пояса, потом стало по пустую грудь. Аленка положила руку ему на затылок и с силой нагнула голову под воду. Козлов открыл глаза и увидел неясно очертания чешуйчатого хвоста и прозрачных плавников; сероватые стайки рыб проплывали с шевелением; на дне, в зелени запутались тяжелые гроздьи мидий, некоторые раскрыли фиолетовые веки и дрожали студенистым телом. На дне в рядок лежали утопленники, прикрывая грудь руками. "Ты их хозяин," - сказала Аленка, и утопленники протянули руки к Козлову. Вода заколыхалась, и водоросли задрожали зелеными лапками, и Козлов увидел у каждого на груди отверстую рану, обугленную по краям. "Ты наш государь..." - сказали утопленники. "Нет..." - крикнул Козлов и проснулся.

Ночь была темная и пустая, она высасывала душу с причмокиванием, она причмокивала за окном. Козлов поднес руку к груди и почувствовал слабое толчки, словно птенец бился клювом о скор-

лупу. "Стучит...стучит..." - повторял он радостно и вдруг зарыдал. Темнота сотрясалась от громких его рыданий, иногда Козлову казалось, что фигурка-калеки стонут в углу и прикладывают руки к груди, закрывая пустые раны. Плотные бутончики ночной фиалки лопнули с легким щелчком, и из трещин показались бледные края лепестков. Они вытягивались все сильнее и закручивались на концах и из бледно-фиолетовых становились ядовито-голубыми, и вот они раскрылись окончательно, показав красное раздвоенное жало. Они дышали тяжело и смотрели на Козлова. Над Козловым пролетел ночной мотылек. Засыпая, он успел рассмотреть его треугольное тельце с волосатыми лапками.

Аленка обрывала листья с яблоневого ветки. Обломанный конец был влажным и в волокнах коры. Вокруг Аленки стояли неизвестные в белом. Лица Козлов не видел. Аленкины пальцы слиплись от сока. "Где я?" - спросил Козлов, глядя вниз, на звезды. "На живом стоишь," - отвечала Аленка, протягивая прут в коричневой коже, - выше ангелов взлетел..." "Но не ангелы это," - сказал Козлов на неизвестных. "Они, - кивнула Аленка, - и ты их господин!" Козлов взмахнул прутом, и он выгнулся от упругости воздуха, и хлестнул одного из неизвестных. Козлову стало радостно. Он сек ангелов, и они стонали, и чем сильнее они стонали, тем радостнее ему становилось. Козлов вглядывался в их лица, но видел лишь что-то розовое и неясное. Вдруг он услышал, как кто-то тихо рассмеялся. "Я ваш хозяин!" - крикнул Козлов. "Ты," - подтвердила Аленка, облизывая липкие пальцы. Ангелы стонали, но Козлову слышалась усмешка. "Лица, лица ваши видеть хочу!" - кричал он, размахивая прутом. Но ангелы смеялись пуще и лиц не показывали...

У Петровны был внучек Васенька. Ручки в детских припухлостях. Родители привозили его с Севера в три месяца лета и оставляли. Вася юг не любил. Он потел от жары. Рубашечка темнела под мышками. На тонкой коже век в розоватых прожилках возникали веснушки и казались большими сквозь стекла очков. "Шел бы на море, Васенька!" - говорила Петровна. "Море мое, - говорил Васенька, - никуда от меня не денется". У Васеньки был красный автомобильчик с одним колесом. Краска треснула и отломилась. Видно стало ржавое железо. За

окном набухла сирень. Васенька дышал, раздувая ноздри. Он видел в окно восковые фигуры Козлова, он вспоминал, как уже откусил от яблока и в зубах завяз воск, и злился.

Васенька с Петровной сидели в саду. Воздух был синим от цветения сирени. На столе стояла банка с медом, с осой, застывшей, как в древней смоле, и алюминиевая кастрюля с отломанной ручкой. В кастрюле дрожал кисель розовой медузой. Над киселем зависла муха. Они жужжала и снижалась. Вот уже ее лапки завязли в киселе, вот уже ее крылышки с радужным отливом слиплись. "Так и надо," - думал Васенька, глядя то на муху, то на осу. Петровна смотрела на внука с нежностью и не знала, что спросить. Вот качается сирень над его пушистой головкой, вот тянется нить меда от широкого горлышка банки, вот падает на клеенку, и Васенька размазывает ее пальцем. Но вдруг сирень чернеет и осыпается, и Васенька неподвижно смотрит перед собой, сквозь толстые стекла очков. Петровна оглянулась и увидела Аленку. Аленка смотрела то на сирень, то на Васеньку. Взглянет на сирень - та почернеет и осыпается, на Васеньку поглядит - тот замрет...

Козлов проснулся. Пыль летела в лучах наискось. Он распахнул душное окно и решил: "Пойду к Асе, может, мучаться перестану!" По дороге Козлов встретил Васеньку. На Васеньке была белая рубашка с розовым воротничком, растегнутым на три пуговицы, и трикотажные штанишки с пузырями на коленках. Васенька держал бабочку-лимонницу за концы желтых крыльев и смотрел сосредоточенно, как она шевелит лапками и вытягивает брюшко. В пыли лежала красная машинка в звездочках. Козлов хотел пройти мимо, но Васенька окликнул:

- Эй!

Козлов остановился. Васенька смотрел вверх на Козлова всеми своими веснушками и капельками пота под толстыми стеклами очков и словно думал, говорить или промолчать, и морщил лобик. - Тебя тут искали, - наконец сказал он, - такая ма-а-ленькая... У нас еще сирень в садике завяла, - и оборвал крылья лимоннице. Два лепестка остались в припухлых пальцах Васеньки, а червяк с усиками упал в пыль. - От нее еще все замирает...

- Аленка, - прошептал Козлов, - я чувствую...

- Она, - подтвердил Васенька, затапывая червяк бабочки.

- Она душу из меня вытягивает, - сказал Козлов, - а взамен обещает богатства разные...

- Врет, наверное, - ответил Васенька.

Козлов зашел к бабе Зине. Посмотрел в саду: стол пустой с желтоватыми пятнами чая на липкой клеенке, с круглыми следами от алюминиевого чайника, с увядающей веткой яблони в живых корнях. Овца блеяла из-под навеса...

Тогда Козлов зашел в дом. На стенах у бабы Зины висели открытки: два голубка держат сердце в клювах, а на сердце написано красными буквами: "Люби меня, как я тебя!", или розовый мужчина целует женщину в пухлых кудрях, и надпись: "С 8-м Марта!" Висел на стене и бархатный ковер с зальсинами. На ковре черкес увозил через плечо белую девушку. Девушка кричала, и от крика глаза сделались китайскими. Вдали в зеленом тумане виднелись горы Кавказа, куда черкес мчал коня. У стены стоял шкаф из потемневшего дерева с желтыми разводами. В щель между дверцами шкафа были втиснуты веточки сирени. На подзеркальнике, покрытом плетеной салфеткой, стояла тарелка с золотым ободком по краю, с черными приколками, огрызками от семечек и беззубым гребешком. Еще стояла на подзеркальнике стеклянная ваза с нарисованными маками, полная разноцветной сирени. Сирень эта отражалась в зеркале, и казалось, что здесь ее не маленький букет, а куст. "Живет в радости," - подумал Козлов, и ему захотелось прежней жизни. На подоконнике, на газете, сушились фиолетовые букетики душицы и мутно-зеленые - мяты. Пахло теплом. В комнату вошла баба Зина.

- Вот, пришел, - сказал Козлов, - ты поможешь обещала. - Помоги, а?

Баба Зина посмотрела на Козлова и ахнула. Лицо его стало бледным, с черными провалами под глазами, а в редких волосах появилась проседь. Рот Козлова пересох и потрескался.

- Ой, плохо как, плохо! - прошептала баба Зина, - и сердце стучит еле-еле...

Баба Зина распахнула дверцы шкафа, и ветки сирени упали на пол. Она исчезла

в шкафу. Шкаф закрипел и закачался. Козлову же казалось, что это баба Зина что-то говорит, только он слов разобрать не может.

- А? Что говоришь? - переспрашивал Козлов, - не слышу...

В соседнем саду послышался надтреснутый смех Васеньки. Баба Зина вылезла из шкафа. В руках она держала серую связку неизвестной травы и промасленную колоду карт.

- Ты окна на ночь затворяй, - сказала баба Зина, усаживая Козлова за стол, - а то ночью туман в комнату наползает, а с ним и нечисть всякая.

- Мне ангелы снились, - сказал Козлов.

- Ангелы по туману не летают.

Баба Зина разбрасывала карты по столу тройками, выискивая среди королей Козлова.

- Вот это ты и будешь, - сказала баба Зина, указывая на короля с красным сердечком в углу. Козлов внимательно всмотрелся в карту. Король очень походил на Козлова: то же лицо с заостренным подбородком, те же глаза зеленые, только корона на голове и румянец во всю щеку.

- Почему это он с копытцами? - спросил Козлов.

- Помилуй! - удивилась баба Зина, - какие копытца? Это скипетр у него в руках...

Козлов и король перемигнулись...

Баба Зина положила карточного короля в центр стола и достала наугад карту из колоды лицом вниз.

- Это то, что у тебя под сердцем, - сказала баба Зина. Козлов внимательно рассмотрел тыльную сторону карты: два красных льва дрались, вонзали когти друг в друга, разбрызгивая кровь.

- Это мысли твои, - продолжала баба Зина, - а это то, что ты ногами топчешь...

Дерущиеся львы окружили Козлова, ему слышалось рычание.

- Когда карты перевернешь? - спросил он, пугаясь.

Баба Зина перевернула промасленные карты. Рычание смолкло. Под сердцем у Козлова оказалась дама бубен. "Ася!" - подумал он. На сердце была дама черная и сердитая. С таким же сердечком,

как на карте у Козлова, только черным, и сверху торчала рукоять ножа. Дама была по-карточному румяной, а кожа на ее лице была как у младенцев, только вся в морщинах. Дама Козлову не нравилась. "Что это она на сердце у меня делает?" - думал он. Волосы дамы были черными и блестящими как из смолы, но поделенными на пряди. - Под сердцем у тебя любовь, - начала баба Зина, - а на сердце тоска. Видениями тебя прельщают туманными, чтобы ты о любви не помнил... - В глазах Козлова рябило от черных сердец с рукоятью ножа, - прельстишься - погибнешь...

На розовых в синий цветочек обоях бабы Зины нарисован был мохнатый черт, весь покрытый длинной шерстью, словно в шубе, с длинным голым хвостом. Это Васенька постарался. Конец хвоста черт держал в руке и размахивал им, точно хлыстом или яблоневой веткой. Случайно взгляд Козлова упал в сад, за окно. В зеленом просвете, показалось ему, мелькнула Аленка в ситцевой косынке на обгоревших плечах. Сирень на подзеркальнике почернела и ссохлась.

- К Асе все равно пойду, - сказал он и вдруг зарыдал во весь голос, громко и с подвываниями. Баба Зина испугалась:

- Чего это ты?? - и вдруг увидела в зеркало отражение обугленной сирени, - ой! Грех-то какой! - сказала, - бедный ты, бедный! - она вложила в бессильную руку Козлова серый пучок травы, перематанный шелковой ниткой, - ты на ночь попей. Спокойно спать будешь...

Козлов с силой сжал кулак. Сухая трава хрустнула и сломалась. Серая пыль осела в воздухе. Острые стебли укололи руки Козлова. Он вяло разжал пальцы, и трава серыми обломками посыпалась на пол. Козлов медленно вышел на улицу. Баба Зина незаметно перекрестила его на прощанье, и он почувствовал легкое покалывание в затылке. Занавески на окне поднимались, словно от дыхания.

Петровна тянула за руку Васеньку. Васенька упирался и не шел. Он выронил машинку в траву и схватился рукой за ствол яблони, выкрашенной до половины в белое. Яблоня прогнулась и походила на согнутое колено.

- Ну, пойдём, Васенька! - умоляла Петровна, сжимая руку внучка. Васенька не шел и держался за яблоню. Васенька побеждал. Яблоня раскачивалась и

скрипела. Сухие лепестки с коричневой каймой осыпались. Васенька смеялся. Но вдруг несколько лепестков упали Васеньке за очки, и он перестал видеть белую ножку яблони и машинку в траве.

- Подожди, бабка, - крикнул он, вырываясь от Петровны. Он вытер очки пальцами, втоптал лепестки в траву и поднял машинку. Рука Васеньки затекла и покраснела.

- Пошел бы со мной, а? - ласково просила Петровна.

- Ладно, пойдем, - помрачнел Васенька, потирая пухлое запястье.

- Ой, беда, Зина! Беда! - крикнула Петровна в раскрытую дверь. Баба Зина подметала раскрошенную траву и думала о Козлове. Петровна втащила Васеньку в комнату. Васенька стоял в освещенном квадрате окна на полу, отдуваясь и тяжело дыша: ноздри, розоватые на концах, прижимались к переносице и раздувались от выдоха. Челка прилипла к потному лобу. Пыль оседала в лучах.

- Аленка прихлдила, - кричала Петровна. - Цветы высохли! Васенька обмер! Что будет?

Взгляд Васеньки упал на розовые обои с чертом. "Что же это я хвост ему не нарисовал как следует?" Васенька вытащил из кармана штанишек длинный карандаш и стал пририсовывать к хвосту длинную шерсть. Хвост сделался похожим на пальмовую ветку. Петровна увидела обугленную сирень на подзеркальнике. Она отразилась в зеркале и, казалось, что выгорел целый куст.

- Увяла? - спросила Петровна с надеждой. Баба Зина кивнула.

- Ты не думай, она не за Васенькой приходила... - и баба Зина указала на окна Козлова, - погиб уже, считай...

Козлов все рыдал. Мир он видел неясно, как бы сквозь воду. С рыбьими глазами прошел мимо сосед Ваня со связкой стеклянных бус на руке. "Рубль штука кому?" - кричал. Стеклянные бусы перекатывались по леске с прищелкиванием. В траве Козлов различил длинноногие цветы с желтыми головками. Цветы уронили головки, словно явились с повинной. Козлов видел ясно, как по стеблям течет не белый клейкий сок, а что-то густое и красное. Спокойные листья виноградника свисали через изгородь Асиного дома, отбрасывая

резные тени. Под листьями Козлов сначала различил слабое шевеление, но потом вдруг увидел, как что-то синее и бьется, словно просясь наружу. И вот уже из-под листьев показались бледно-синие концы лепестков, и когда лепестки приподнялись и закрутились на концах, Козлов увидел красноватые раздвоенные жала.

- Ася! - крикнул он что было сил. Из зелени вышла Ася, но что-то странное в ней было, и Козлов никак не мог понять что.

- Чего вам? - спросила девушка, глядя вниз, на клеенчатые босоножки.

- Я давно тебя ищу, - сказал Козлов, - ты бы цветы на изгороди посрывала, а то они уже и к тебе подбираются... Ася обернулась на спокойные листья винограда.

- Да вот же, вот! - крикнул Козлов и кинулся к изгороди, - они на погибель мне зацветают!

Он обрывал виноградные побеги, бросал их под ноги и втоптывал в траву. Ася испуганно на него смотрела.

- Ты пойми, - кричал ей Козлов, - она меня околдовала! Она везде! Она иконку заставила к стене повернуть! Из карт подмигивала...

- Да нет ничего вокруг! - сказала Ася, - у вас воспаление, наверное. Лоб весь в испарине.

- Она во снах приходит и мучает! А испарина - это от жары! И вдруг Козлов посмотрел на Асю и увидел, что личико ее бледное покрывается смуглостью, и скулы четко вырисовываются, и рот разгорается красным.

- Аленка! - крикнул он, - ненавижу!

- Ой, беда-то какая! - прошептала Ася, убегая в дом.

Когда она успокоилась совершенно, то увидела, что кусты сирени в саду выломаны, и трава вытоптана у изгороди и усеяна вся виноградными листьями, но под листьями показалось Асе что-то синее и вздыхающее...

- Это еще не лето, - говорил Васенька, обрывая сирень, - не поспело ничего... Только цветы одни пахучие...

Он подглядывал в сад к Козлову. Ветки деревьев сплелись в паутину, но сквозь просветы в зелени видел Васенька душное окно Козлова, отразившее небо.

Стрелы с желтыми наконечниками мелькали в траве, но не липкий сок вытекал из их стебля, а что-то красное и густое.

- Хочу в лето! - говорил Васенька и топал ножками.

По насыпи Козлов спустился к морю. На перроне стояли старухи и продавали пучки сирени, перевязанные за стебли ниточкой, семечки в бумажных пакетиках, вареную картошку с коричневыми завитками лука, завернутую в газету в масляных пятнах. Поезда останавливались на мгновение, и из мутных окон, из духоты вытягивались руки с рублями. Старухи хватали рубли проворными смуглыми пальцами, и бледные руки снова исчезали в окнах с голубыми пучками сирени, со свитками семечек, с леденцовыми петухами на обточенных палочках. Показывались и просто руки, без денег, желающие потрогать южный воздух...

Козлов спустился к морю. Среди серой гальки виднелись засохшие огрызки яблок. Просвечивали семечки-слезинки. Запах шел сладкий и тяжелый. Козлов скинул потную рубашку, подставив солнцу хлипкую спину в круглых бугорках позвоночника. "Не боюсь," - думал он, глядя на море, однако в воду войти не решался. Солнце сначала грело, потом вдруг начало жечь. Тело подгорало и просило пощады. Козлов с трудом отполз в тень по нагретой гальке...

Солнечные лучи падали наискось в открытые окна. В лучах оседала пыль. "Господи! Верни ему разум!" - думала Ася. Ей было жаль юношу Козлова. Ей снилось, что кто-то белый и теплый укутывает ее во что-то белое и теплое и шепчет тихонько в самое ушко: "Не бойся, не бойся..." Когда она проснулась, "не бойся" еще не успело растаять в нагретом воздухе...

...В небе облако качалось словно птичье перо...

Зажглось синее с желтым вечернее небо. Над узловатыми кустами можжевельника в плотных бусинках плодов взошла оранжевая луна. Подгорелое тело Козлова ныло, а ночью от холода боль утихала. Ночи Козлов радовался. Одно только обстоятельство смущало его: по небу среди жидких перьевых облаков несся облачный старик. Он размахивал руками и кивал Козлову, а указательный палец его вытягивался в сто-

рону крепости: иди, мол, Козлов! Тебя уже заждались...

Козлов медленно поднимался в гору: по обе стороны дороги растянулось кладбище. Белели ограды. Дугой поднимались ворота. Одна створка раскачивалась на ветру, другая лежала в траве чугунным щитом. Валялась пустая бутылка с обрывками этикетки и осколки фаянсовой чашки...

В обломках крепости пророс виноград. Серым просвечивали стены в красных ссадинах кирпича. Обожженная кожа ныла и отслаивалась. Под ней оказывалась розовая, детская... "Я как змей..." - думал Козлов. В трещинах стены проступало лицо. Козлов ясно представил, как чье-то безжизненное тело вмуровывали в стену и замазывали глиной. И теперь вот оно смотрело сквозь трещины окаменевшим лицом. "А вдруг, - думал Козлов, - он не умер, и его похоронили живым. Каково же ему было проснуться в глине и камнях?"

Из ворот крепости вышла Аленка в желтой бумазеевой кофточке, расстегнутой треугольником. Козлов увидел бледную ямку над ключицами. Ночью лицо Аленки оказалось молочно-белым с кисловатым запахом кумыса. Сквозь тонкую кожу просвечивали синие ручейки вен, вдоль скулы тянулась узкая царапина от мидии. Она дотронулась до Козлова, и он почувствовал боль от ожогов и странную теплоту.

- Мой, - сказала Аленка, расстегивая бумазеевую кофточку. Козлова поразил взлет ключиц.

- Говорят, у тебя ноги в чешуйках, - шептал Козлов, - говорят, ты из воды к нам выходишь...

- Говорят, - повторила Аленка, наклоняясь к Козлову и целуя его в ямку на раздвоенном подбородке. Козлов увидел узкие стопы Аленки с округлыми пальчиками.

- Гибну я, - прошептал.

- Гибнешь, - согласилась.

Козлов прикасался кончиком языка к розовым ноготкам на белых пальчиках, к выемке стопы, целовал запекшиеся ссадины от мидий на узких коленах. "Погибель моя..." - все шептал Козлов. "Погибель... погибь," - повторяла Аленка. Аленка была как кумыс.

- Люблю я тебя, - шептала она, прижимая губами к обгоревшей коже на

плечах Козлова. Козлов застонал от боли, но боль была в радость. Козлов смотрел на Аленку, и Аленка была как крик, когда он доходит до предела и режет ухо, но только для глаз...

"Погиб я," - прошептал Козлов и упал в траву. Он видел краем зрения желтую рубашку Аленки и клочок светящего неба, видел, как на мгновение опустились над травой черные Аленкины волосы, видел, как концы травы прикасаются к ее лодыжкам.

- Погиб ты, - сказала Аленка, уходя в ворота крепости, и Козлов слышал, как под крепостью всхлипнуло море, словно от прыжка...

Аленка распахнула калитку в сад. Сад уже посветлел после ночи. Аленка вошла в комнату. Ночной мотылек полетел на свет, коснувшись лица. Забился в желтом кругу лампы. В треугольнике света темно-синие стены бледнели, высветился край стола с белой кружкой. Эмаль на блестящем боку откололась и появилось черное пятнышко металла. На столе лежали окаменевшие горошины трех цветов: желтого, белого и водянисто-зеленого; связка серой травы, перемешанной с ночными цветами. На стене висело зеркало с отколотым углом. Мышиной шкуркой натянулась паутинка. В разбитом зеркале отразилось пол-Аленкиного лица: черный глаз, изгиб скулы, розоватое ухо с удлинённой мочкой. На подбородке отражения углублялась впадинка...

Аленка налила воды в миску, бросила на дно три сухих горошины и пучок сухой травы. Вода покраснела. Аленка увидела Козлова, бессильно лежащего у ворот крепости.

- К утру очнется...

В комнату в раскрытое окно влетела Ася, маленькая, с прозрачным тельцем, чуть больше спичечного коробка. Она стояла на столе и словно спала.

- Проснись, - сказала Аленка. Дух открыл глаза. - Все, что увидишь, забудешь наутро.

В красной воде поплыли видения душевного города. В духоте томился Козлов... Но вот уже показалось море и ангелы, вот уже потянулась дорога в крепость, и вот уже лежит Козлов в примятой траве. Дух бился и всхлипывал над мисочкой, хотел улететь, но не мог оторваться.

- Ты тоже умрешь, - сказала Аленка и подула легко-легко, отчего душа Асина задрожала и вылетела в окно, как осенний листик.

- Не могу я без тебя, - сказала Аленка, глядя сквозь воду на неподвижного Козлова, - но и с тобой не могу тоже!..

И вдруг она упала на кровать с рыданиями, но потом вдруг затихла и сделалась смиренной...

Наутро козопас в штанах, закатанных до колен, и в сандалиях с резинкой между пальцами склонился над Козловым. Козы с веревками на шеях уныло смотрели на хозяина. Козлов лежал ничком. Лицом в траву. Кожа Козлова раскраснелась и покрылась волдырями. "Во сгорел как, - думал козопас, - шкура вся на нем полопалась!" На траве лежала сине-зеленая рубашка Козлова и суконные брюки в водянистую клеточку. Козопас прельстился на одежду Козлова и уже нагнул, чтоб поднять, как вдруг Козлов застонал.

- Никак живой? - удивился козопас.

- Нет, - прохрипел Козлов, - я умер...

У входа в церковь стоял одноногий старик, вытянув перед собой руку с кепкой. В кепке блестели позолоченные пятики, но виднелось и несколько рублевых бумажек. Старик щурился на солнце, и казалось, что его глаза - сплошная глубокая морщина. "Подайте..." - тонко тянули старухи и смотрели в кепку...

Старенький румяный священник с румяной лысиной размахивал кадиллом в полупустой церкви. С легким треском плавилась свеча. Волнистыми змейками стекал воск. Священник читал: "Эллой, эллой, - возопил Христос, - ламма савахфани! Что означало по-еврейски: "Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставил!"

Козлов поравнялся с воротами церкви.

- Подайте, - попросил старик, протягивая кепку. Козлов нашел в кармане горстку мелочи. Старик взглянул в лицо Козлову, смотрел он так, как будто бы только что проснулся и теперь щурился на солнце:

- Иноверцам и колдунам - только на перти...

Из открытого окна волнами вырывалось пение:

Рисунок Александра Лаврова

...мне малым-мало спалось...- надтреснуто тянула женщина. Прошел гармонист дядя Саша, звеня медалями на черно-красных лентах. Повара в подпаленных халатах жарили шашлыки, исчезали в клубах дыма. Куски мяса дрожали и обугливались.

Курица-подросток бросилась под велосипед.

Босой грузчик прошел с ящиком пива.

Ступни посерели от пыли.

Бутылки звенели.

Жидкость пузырилась...

Надвигался шторм...

Приближалось лето...

Волны слизывали надпись: "В шторм по буне не ходить!" Гармонист дядя Саша медленно шел по пирсу. Медали блестяли на солнце, и казалось, что лучи хотят пронзить грудь, но разбиваются о металл. Волны с белыми завитками перекатывались через пирс. Гармонист дядя Саша смотрел стеклянно. Раздвигал красные складки гармони. Из красных складок рвалось "Прощание славянки". Всхлипывало море. Гармонист дядя Саша дошел до конца пирса и шагнул в волны.

Лета Козлов боялся. Он знал, что лето всегда приходит, чтобы обжечь. Козлов думал: "Сидишь себе спокойно, к дождям привыкший, а тут вдруг тебе лето... жара..."

Петровна укладывала спать Васеньку, глядела, как он лежит без очков на подушечке, и веснушки у него такие маленькие-маленькие, глядела, как он шумно дышит, и близорукие зрачки расширяются. На улице становилось все темнее, глаза Петровны слипались, а Васенька все не засыпал.

- Почему не спишь? - спрашивала Петровна.

- Думаю я, - отвечал Васенька, крутя резиновое колесо автомобильчика.

Наконец Васенька уснул. Во сне он увидел зеленый луг с колышком посередине. От колышка тянулась длинная веревка, обмотанная вокруг шеи черного лохматого козла. Черный козел смотрел на Васеньку красным глазом. Васенька приседал и повизгивал. Глаз козла наливался кровью.

- Козел с бородой! - крикнул Васенька, - не погонишься за мной! Козел натянул веревку, но колышек был глубоко вбит в землю. Козел посмотрел красным гла-

зом на Васенькину машинку в ржавых звездочках. Васенька сорвал прут, хлестнул козла и запрыгнул у нему на спину. В это время из кустов вышли двое - козлов и козопас. Козопас поднес к черной морде козла траву и, когда тот уже вытянул губы, готовясь в поглощение, козлов хлестнул его плеткой. Козел подпрыгнул. Васенька засмеялся. Он пришпорил козла, и козел побежал вокруг колышка. Следом бежали козлов и козопас...

Баба Зина заснула в душную ночь. Ей казалось во сне, что кто-то стучит по крыше. Она вышла во двор и увидела Козлова, сидящего у кирпичной трубы. "Ты зачем ногами по железу стучишь?" - спросила баба Зина. "Да это ботинки у меня тяжелые," - отвечал ей Козлов. "А ты ихними и стучи себе тихонечко..." Козлов расшнуровал ботинки и бросил их вниз, в траву... Баба Зина увидела белые копытца...

Козлов склонился над Асей. "Мне бы запомнить тебя, - говорил он ей шепотом, словно прощаясь, - а то ты вся прозрачная..."

- Сил у меня мало, - отвечала Ася, - жизни уже не осталось. Одно мерцание...

- Вот и тебя погубила, - сказал Козлов, - и тебя вместе со мною.

Козлов распахнул дверь в душную свою комнату. Восковые фигуры покрылись тонким слоем пыли, но Козлов даже на них не посмотрел. Он растопил воск и стал вылепливать тело, маленькую фигурку, чуть больше спичечного коробка.

- Аленка... Аленка... - все шептал он.

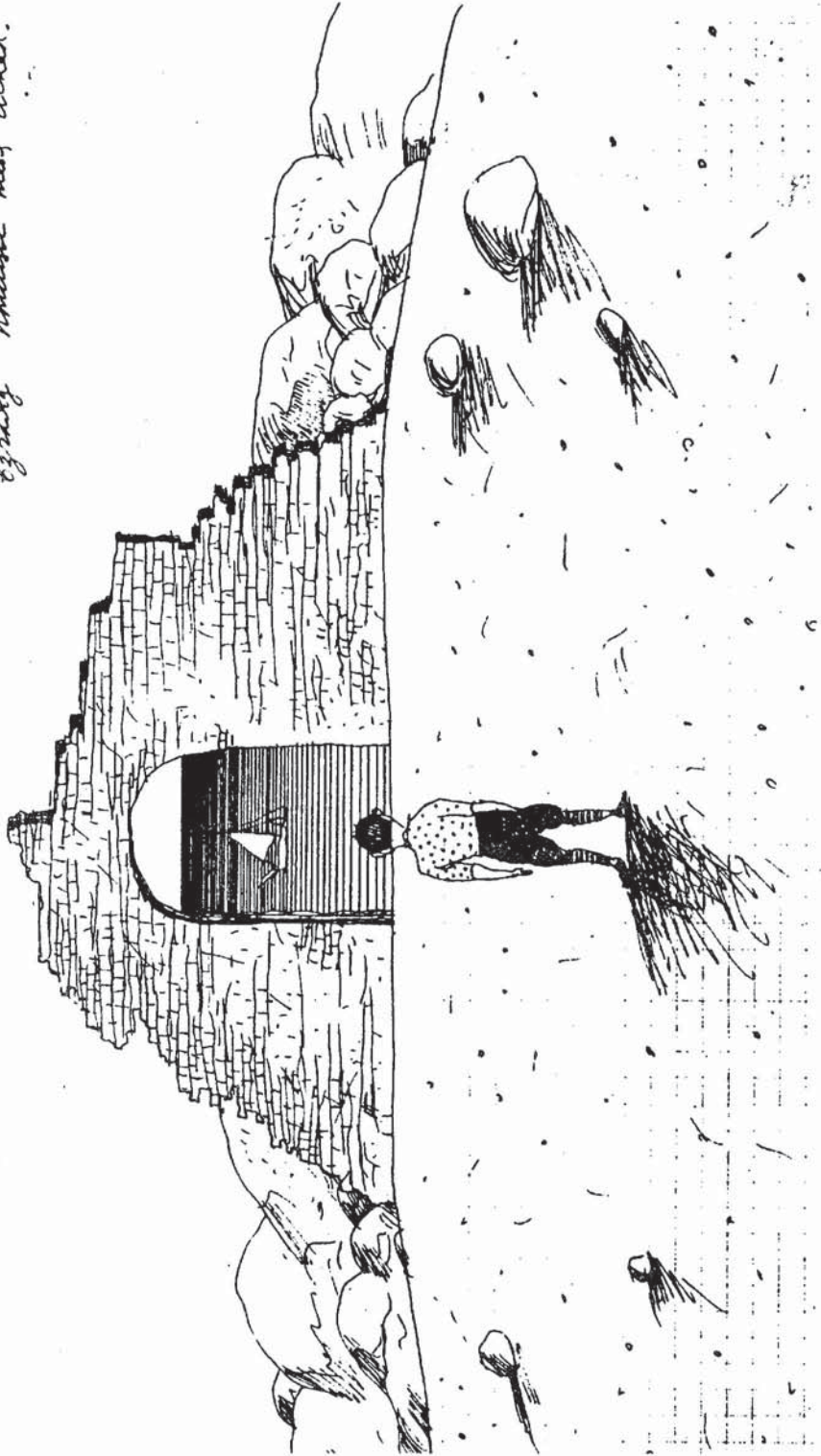
Тело выходило маленькое и упругое, с легким запахом кумыса. Козлов взял длинную металлическую иголку, тело сжалось и смотрело умоляюще, и вонзил в самое сердце. Конец иголки торчал из восковой спины...

Баба Зина проснулась с мыслью об Аленке. "Что же это она делает? Сны-то какие насылает? Пойду к ней, хотя и боязно..." Но когда она открыла Аленкину дверь, то увидела, что комната пуста, и только на полу лежат разноцветные горошины и маленькая кучка золы...

Наступило лето...

Козлов сидел обожженный...

Могут неба там, малыши —
забыли про портфель и перья —
убога ты сидишь над книжкой —
взгляну примыче тебе и скаж.

ИЗ ДНЕВНИКА

Пример из пункта 4 в пункте 6

Рис. от П. Кимберга
1981 г. XII. 27. г.

Николай ГНЕТНЕВ

Когда без меха и перьев
Ты прижимаешься виском к стеклу
Разглядеть за движеньем деревьев
Танец знаков в своей судьбе
Ты увидишь меня в отраженьи
равном углу
Падения
Я скажу тебе-
Прощай.

Прощай
В моем странном городе снег
С утра оказался мелом
И по нему совершают побег
Персонажи последнего сна
Вот всадник в сомнительно белом
Тащит прочь на своем носороге
Мою память в дырявом мешке
Стекла, камни, цветы, имена
Нарисованные на дороге

Продолжая стоять у окна
Некто, скомкав бумажку в руке
Говорит:
Помнящий письма,мена,
Прочитай, из того, что осталось
Удалось наскрести
На один иероглиф.

Михаил ПОГАРСКИЙ

Ты проснешься порой в предрассветной задумчивой дымке,
И гитары чуть слышно звенящую тронешь струну.
А торговки уже расставляют букеты на рынке,
Чтобы встретить цветами загулявшую где-то весну.

Ты не знаешь еще, что подарит тебе воскресенье.
И не знаешь, кого в этот день к тебе черт принесет.
Но в запасе всегда есть твое нулевое решение,
Тот отложенный вверх для тебя вертикальный полет.

Ты уходишь за дверь, не закрыв ее в два оборота,
А оставив открытой для воров и для лучших друзей.
Потому что тебе для того вертикального взлета
Лучше вовсе не брать от квартиры тяжелых ключей.

А машины-оранж поливают водой тротуары,
Чтобы были дороги, как рассветные мысли, чисты.
Ты проходишь по ним, и твоей сандалетовой пары
Остаются невидные поздним прохожим следы.

Времена года

Осень

Печальность мира, резанного на резкие миги,
Распавшегося на красное и желтое, шуршащее под ногами,
Безмыслие, утончающее воспоминание смысла
Бессмысленной думы - годами, облаками.

Ощущаю, что время тратится не напрасно - на его ощущение -
Слагаю фигу вылепленным из этого материала сказкам,
Наклоном сосуда даря отсрочку эпохам, сезонам, событиям, видам,

Создав гуманный закон природы.
Запах портвейна и палых листьев
Совпавшие, станут итогом года
Раннеосеннего в смысле жизни.

Рисунок Александра Базякина

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОБИАСА

"Мы скоро увидим наши трупы, одетые в черные фраки, играющими в карты на белом хирургическом столе".

Был холодный декабрь, когда Тобиас вернулся в дом отца с иллюзиями в сердце и со скрытой нежностью, полной теней и вечности в глазах.

Когда Тобиас вошел в город, четверо ворот закрылись на предрассветном пейзаже.

"Город без нищих! Добро пожаловать, нищие духом!"

Так сказал Тобиас, когда входил в город отца.

Его видение возвращалось, и Тобиас пытался заставить себя поверить в то, что ничего страшного не может с ним случиться.

Потому что жизнь, его жизнь корчилась вокруг него и вибрировала всеми элементами.

Потому что его дух был распылен в самом начале, скрыто принятый его судьбой. Потому что его тело тоже распылилось в наполненной ужасами реальности, подобно форме в стекле растревоженного аквариума.

И вот в первый раз это случилось. Тобиас поежился.

Различны были приемы защиты, принятые призраком в момент, если разум, божественный разум испытывал его. Чувствовал ли себя Тобиас бесполезной группой молекул, затерянной во всеобщности вибрирующих точек?

"О чистота! О безумие!"

Его сердце отяжелело. Все его тело окаменело под яростью Бога, который разгневался на вес, скорость и силу элементов.

"О чистота! О безумие!"

Тобиас почувствовал, что он достиг той точки, когда глубокая любовь к жизни кажется дорогим стоящим капризом или великим безрассудством.

Тобиас вернулся в дом отца с запахом лабораторий Америки в душе, постоянно повторяя себе, что здесь они скоро

завоюют химическую силу мудрости стариков и придумают наказания за все грехи.

(В этот момент часы на башне пробили время евангелического часа. (евангелической эры))

Тогда Тобиас повернулся на запад и сказал: "Добро пожаловать к вашей мудрости. Отсрочка не будет долгой никогда снова, никогда снова!"

Порыв ветра унес его слова. Тогда Тобиас почувствовал себя освобожденным от всех своих карательных идей. Подойдя к красным баракам, Тобиас вспомнил объятия пьяниц Америки и сказал: "На дверях Европейских домов я видел цинковые пластинки." Продолжая свой путь, Тобиас услышал шум пропеллеров. И он сказал: "Вот они, наши живые машины для новых метафизических путешествий. Это доказывает то, что мы вступили в новую область астрологии."

Политехнический Прогресс Пластики - гальваническая батарейка, окутанная проводочками - весело приветствовала его. Тобиас ответил ему: "Продолжай свои вычисления! Эфемерная буффонада фантастического мира!"

Тобиас, будучи человеком открытым по природе, почувствовал себя немного взволнованным. Он все шел и шел, пока не приблизился к дому отца. Он увидел, что дверь открыта, но не удивился и вошел. Комната было освещена светом магнизиумной лампы. Фантастическая сущность этой реальности была полна молчаливым притяжением, передающим объектам (глобусам из папье-маше, градусникам, магнитометрам, черным грифельным доскам, трем электрическим марионеткам) спектральное, призрачное чувство отклонения от нормы.

Тобиас почувствовал, что эти старые предметы все наблюдали за ним.

Стереоскопическая тишина, которой его живопись было похожа на примитивные образы божественного, теперь изрекала ироническое воодушевление Сатаны.

Тщетно, тщетно Тобиас пытался убедить себя, что все несчастья заключены в ограничении пределов неба. Геометрическое пространство. Школьный акт-овый зал застыл в вертикальности тишины.

Возможно, существует некая повелительная команда, которую следует принять за подготовительное подтверждение высшей чистоты? Откуда эта органическая неспособность сформулировать акт воли, который бы поднял умы людей? Эта тишина, эта тишина, возможно, желала имени нависшей, грозящей темноты Фараона.

Это был полуденный кошмар.

Тобиас почувствовал, как его кости превращались в жидкость.

"О чистота! О безумие!"

Его дух скребся в горле.

У тишины был уникальный ритм, как у минерального гула (гула камней) - монотонный, настойчивый, парадоксальный. С отчаянной решимостью Тобиас ринулся в другую комнату.

Трупы его друзей - о высшая утонченность воска! - в черных фраках играли в карты на белом восковом столе. Во главе стола был пустой стул.

Вот когда Тобиас понял, что его судьба решена. Колокола в городе уже звонили, и люди приходили и, приходя, говорили друг другу: "Кто бы мог представить такую жалкую смерть?"

"Бедняга, он был такой молодой."

"Он был богат и мог бы быть счастливым."

"Как он мог дойти до такого отчаяния?"

"Узнать бы, действительно ли он сошел с ума?"

"Да, говорят."

"Мы тоже это слышали."

"По закону, в этом случае его собственность будет поделена между нами!"

Милан, февраль, 1918 г.

Перевод Татьяны Сачинской

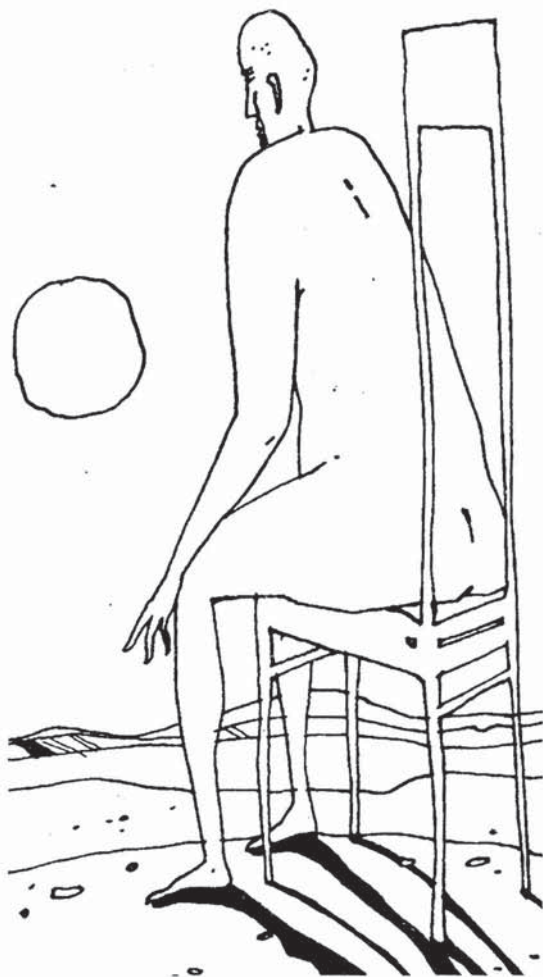

Рисунок Игоря Мальцева

Андрей СТРЕЛКОВ

Странствия проистекают из необходимости найти дом. Об этом доме нельзя сказать - свой. Ветер входит в пустые окна и ворошит мягкий лесной мусор - семена деревьев и трав, залетевшие листья. Возьми любые два, и между ними год или вечность - ведь это одно и то же. Он очень стар, но время - лишь отпечаток его морщин. В этом доме нельзя быть вдвоем - это дом странников. Время не властно над домом и внутри него. Ты понял еще тогда - и вот теперь снова, и сегодня - ничуть не глубже, потому что и тогда - до дна. Но между легли годы и, наверное, это годы ошибки. И это не цепь возвышения, а цепь возвращения, прихода и узнавания боли и жалости человеческой жизни, ее красоты и вечности. Жаль, что нельзя там побывать вместе, чтобы, сидя на рассохшемся подоконнике, нарушить молчание, чтобы не слушать тот осенний дождь, не смотреть в те глаза и быть непрерывно в том единственном понимании, без провалов между точками. И пребывание в доме длится миг или вечность, но это одно и то же.

Елена УПОРОВА

О, эти зеленые трубы!
Они как сигнал к полнолунью,
Которое скоро наступит
И вычислит мой подоконник.

Пройдем сквозь закрытые двери,
Которые были открыты.
Их запер общественный сторож -
Пленный под Або полковник.

Сойдя в подземелье подвала,
А может Аидова царства?
В замерзшем куске арматуры
Узнаешь корону Египта.

И будет на лестничной клетке
Как древний Летучий голландец.
Укачивать два подсознания
Кабина разбитого лифта.

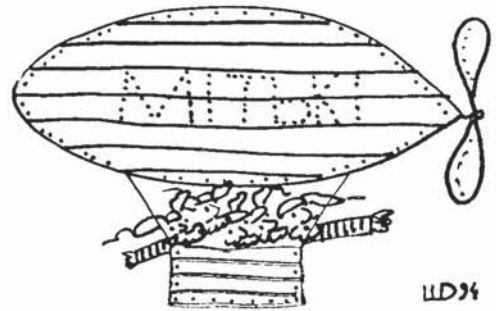
Вадим ФИЛИППОВ

Над городом парит усталый ангел
Почти касаясь крыльями земли
И крылья в снежной матовой пыли
Уже забыли о небесном ранге

На щеки пятна грязные легли
И взмахи крыльев тяжелы и редки
И копьями грозят кривые ветки
Торчащие из смерзшейся земли

Удары ветра озлобленно метки
Но руки обнаженны и красны
Уже полны предчувствием весны
Но взмахи крыл мучительны и редки

Посланец из отринутой страны
Изнемогает в тягостном паденье
Исчезнет он - останется виденье
Так угасает первый день весны

Нижестогозделен Браткам
от Презвух Митькиов
Питер 2 севт. 93 г. Митя
Митя

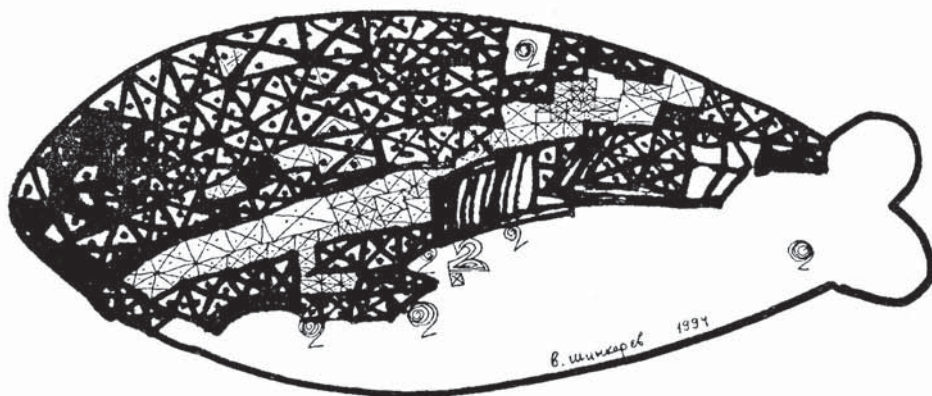
ДИРИЖАБЛЮ

Дорогому ДИРИЖАБЛЮ
от "Митьки-газеты"

Руби Коад.

Елена УПОРОВА

ЗАПИСКИ ЛЕЧАЩЕГО ВРАЧА

"Дий" 1990 г., бронза, латунь, патинирование

ПЛАСТ-МОДЕРН

Скульптура малых форм

Дмитрия
ПОКРОВСКОГО

Как утверждает пациент, явление миру понятия "пласт-модерн" произошло за чашкой кофе. Именно на запах этого ускоряющего сердцебиение напитка и явилась Муза. Поигрывая напильником в тонких натруженных руках, она ответственно заявила, что отныне все это, то бишь магистральный тоннель, который предстоит пробивать Д.К.Покровскому, будет носить официальное название "пласт-модерн". Известно, что спорить с дамой, одурманенной бразильским зельем, бесполезно. Поэтому сие неуклюжее словосочетание прижилось в сознании Д.К. и стало своего рода навязчивой идеей. *Посмотреть в словаре, что такое "модерн".*

ПЛАСТ - ПЛАСТИКА, ПЛАСТ.

Д.К: Я ведь действительно кручу все работы из пласта.
Выкручиваю из плоскости

Наверное, если бы природа разрешила металлу произрастать, тянуться к солнцу и отдавать свои семена ветру, тогда бы "пласт-модерн" стал всего лишь фотографией, гербарием, корягой, осколком древней смолы. А в удостоверении личности Д.К.Покровского было бы записано:

занятие - ботаник. Но я - о другой науке, о математике.

Совершить путешествие по одной из работ Д.К. - то же самое, что фланировать по кольцу Мебиуса. Что такое "вниз", что такое "вверх"? Где она - другая, обратная сторона? Только бесконечный излом пространства. Пластика, уводящая в сторону.

От чего?

Д.К.:Какой момент в работе доставляет наибольшее удовольствие? Последний. Когда к подставке прикручиваю. Это уже точка. Прикрутил - и все. И эта работа меня больше не интересует. У нее теперь своя жизнь. Значит все-таки не точка, а многоточие. Работы живут своей жизнью, и где гарантия, что медная Венера Мериме не согнет палец?

Я легко представляю себе судьбу какого-нибудь сумасшедшего мецената, рискнувшего приобрести сразу несколько работ Покровского. Вот он их покупает и говорит: "Пусть это будут шахматы". О, это были бы странные шахматы. Фигуры вместо обычного движения по клеткам перетекают одна в другую, проползают сквозь бронзовые щели и дыры, оставляя на доске куски металла.

которые снова соединяются в странные обманчивые формы. Это была бы долгая, очень долгая игра, без ясных черно-белых цветов, в которой король также неотличим от пешки, как одна воюющая сторона от другой. Модель, удовлетворяющая философа, но не поэта.

Если вдруг владельцу вздумается придать фигурам значения языка - пляшущих человечков Конан Дойля, - он станет пленником этого языка, одним из его знаков... Почему фигуры отнимают у автора названия? Почему так трудно подобрать слова - проще цифры, количественное перечисление? Не потому ли, что фигуры сами - слишком сильные знаки, и новый символ только усложнит расшифровку?

Рекомендация врача: не располагайте более четырех работ Д.К. в одном интерьере.

Может быть, еще не осознав, но почувствовав эту знаковость пласт-модерна, хозяин превратит коллекцию в лавку древностей или сонм языческих божков и христианских апостолов. Серия кардиналов всегда рождает вопросы: отчего не православие?

Отчего птичий кардинал и католический крест в области души?

О национальном. Дий с разбросанными руками, распятый между язычеством и христианством, - это и камень (налево пойдешь... направо пойдешь... прямо...) и крест к которому сходятся все три дороги (снова Мебиус?). Дий - фигура трагическая, мученическая и очень национальная, хотя появилась она в ответ на объявленный итальянцами конкурс "Метафоры в Чистилище Данте". Да и слово само итальянское: Дий - Верховный бог.

О примитивном национальном. Примитивное национальное может породить что-то вроде "птичий кардинал пошел на базар". Религиозное и художественное порождает Франциска Ассизского, проповедовавшего птицам (впрочем, тот не был кардиналом).

Кардинал вообще персонаж традиционный. Редкая мелодрама обходится без человека в красном. В отличии от Дия (путь духовного искания) кардинал - это почти всегда проблема выбора на суетном уровне. Искушение человеческой плоти, человеческой души. Любопытно, что "Птичий кардинал" - одно из тех редких названий, которое было дано автором сразу.

К сведению личного психоаналитика пациента.

Д.К: То, что меня заводит, это, наверное, звук. Я когда работаю, слушаю музыку. Ничего не надо. Только звук. Он меня накручивает и потом бывает очень трудно выйти из этого состояния...

Если бы я имела право, я бы назвала то длинное и бугристое Звук. Или Нотой. Или еще более определенно: Ля. Но кто-то уже угадал в нем Мгновение.

Звук всегда идет рядом с математикой и искусством, но редко кому удается его зафиксировать... От чего зависит этот дар - неизвестно. Одни работы Д.К. немые, другие просто звучат, но есть и те, которые звук изображают. И, может быть, это главное. Потому что звук, как линия, как кофе, имеет обыкновение ускользать, убегать из кофеварки.

Если бы я имела право и деньги, я бы заказала Д.К. камертон...

Диагноз: Пласт-модерн не является осложнением пост-модернизма, не носит эпидемиологического характера, обычными путями не передается.

Противопоказания: Не пейте кофе в больших количествах!

"Мгновение", 1992, бронза, латунь, патинирование

И все, что во имя литературы, в качестве литературы и ради литературы - безжалостно вычеркнуть - и останется литература. Потому что все, что только литература - это не литература. Зато все остальное, что не только литература, а еще что-то - это и есть литература. Даже эпитетов нет. И метафор, точно, нет. Абсолютно. Сравнений, конечно, нет. Нет их. Нет никаких сравнений. А если есть то, что с чем-то можно сравнить, то этого нет. И вот еще чего нет - образов нет. А все остальное есть: Греция, Китай, дождик, Средиземное море, рабство, блядство, чистая-непорочная-вечная-любовь, грязная-порочная-вечная-любовь, а равенства точно нет, и не может быть, ну его просто в природе быть не может, и его нет, и никогда не было. А смысл есть. Счастье. Удовольствие. Удовлетворение. Удача. Это все есть. А свободы нет. И никогда не было. Никакой. Ни собственной, ни чужой. Ни подсознательной. Ни тайной. Ни явной. Ничего этого никогда не было. Есть покой. И тайна. Мечта. Нет добродетели. Нет добра. Нет зла. Но есть доброизло. Но братства-то нет. Вот этого совсем нет. Ни справа, ни слева. Ни вверху, ни внизу. Нигде. Есть бедные и богатые. И бедные любят богатых, а богатые не любят бедных. А французы не любят англичан. Но имеют их в виду. Они именно их не любят. А вьетнамцев, алжирцев, греков - они просто не имеют в виду. Даже как будто их в природе нет. Как будто в природе есть только англичане. Но еще чуть-чуть, может, есть немцы. Но совсем чуть-чуть. И все. И больше никого нет.

и если ты настоящий художник, то за настоящим сочинением так и будет идти все более и более настоящее, но самые настоящие деньги не будут идти. То же самое у настоящих миллионеров: даже если они не хотят, деньги все равно идут к ним, и миллионеры не остаются без ног, как Рембо, который из поэта хотел превратиться в миллионера, но умер без ног, то есть сначала умерли ноги, на которых он бежал за миллионом, а потом уже умер он сам без стихов в голове. Бедный Рембо. Потому что в Африке много болезней, и они пристаю к человеку. И если бы Рембо не поехал в Африку, он бы не заболел и не

умер. А так он поехал, заболел и умер. Потому что больше всего денег платят, когда очень холодно или очень жарко. И если бы он не умер, то написал бы много стихов. Но все равно бы не заработал много денег. Потому что одни люди пишут стихи, и им за это почему-то дают деньги. А другие пишут, и им почему-то за это не дают, а почему?

а главное вовремя заснуть. И главное вовремя не вставать. И главное вовремя поест. А потом вовремя умереть, чтобы не быть в тягость. А думать надо столько же, сколько и писать. А больше не думать. Чтобы мысли не пропадали. Чтобы все, что подумаешь, то и запишешь. А то, что сейчас не подумаешь, надо подумать в следующий раз и в следующий раз и записать. Кто знает? Тот, кто об этом знает, тот пусть и скажет. Пусть напишет. Один писатель пишет: "П. пошел, П. пришел", ясно, что это он пишет о себе, это он пришел и ушел, а другой писатель пишет: "К. заснул", ясно, что это он сам заснул. Все пишут о себе. И Лев Толстой бросился под поезд, а не Анна Каренина, Анна по-прежнему живет с мужем. Все пишут о себе. Но кто же напишет о других людях? Сами и напишут. Эти другие люди и напишут опять же сами о себе.

а иногда приходят второстепенные мысли. Нужные, но незначительные, как второстепенные герои. И даже если всех второстепенных героев соединить вместе, то не получится одного главного. Хорошо, что люди умеют плавать, это большая радость, а летать не умеют, и в этом нет ничего хорошего, никакой радости. И Шелли не умел плавать и утонул, и Писарев утонул, и даже "Титаник" умел плавать, а все равно утонул. Потому что чаще даже тонут те, кто умеет плавать, потому что гибнут не от того, что не умеют, а от того, что умеют. И сколько бы разбилось поэтов, если бы умели летать. Не так взлетел или не так приземлился, сколько умерло бы сразу в полете, и если бы мертвые бы падали на землю точка как листья точка и это бы уже была осень.

и почему никто не описал счастливый брак? потому что читать про счастливый брак скучно, зато жить в счастливом браке интересно. Даже у классиков, даже у Шекспира - ни одного счастливого

СТРАСТИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

брака, Дездемона задушена, а как она его любила!

У Пушкина все сплошное несчастье. У Достоевского вообще не доходит до брака.

У Лермонтова - не доходит.

У Флобера - несчастье.

У Мопасана - несчастье.

У Толстого - счастья нет.

Но "Капитанская дочка"!

Но зато все несчастья до брака. А где сам счастливый брак? Нет его в романе. Как будто неизвестно, что было с ними после брака. Может быть, Петрушу убили на войне, а Маша отравилась, кто знает? Нет, все-таки есть счастливый брак в "Старосветских помещиках". Но они же как растения, как зверюшки. Это же не приключение. Они пьют и едят, спят и встают. И они не мучаются.

А у Шекспира - мучаются.

И у Толстого - мучаются

и у Достоевского,

и у Пушкина,

и у..

и у..

и Тарханы - это Михайловское Михаила Юрьевича Лермонтова, а Ясная Поляна - это Михайловское Льва Николаевича Толстого, а Рим - это Михайловское Николая Васильевича Гоголя, а Америка - это Михайловское Владимира Владимировича Набокова, а Михайловское - это Михайловское Александра Сергеевича Пушкина. и если ко всему относиться просто и легко, то, может, все будет проще и легче, но ведь те, кого убили, и те, кто сами умерли, это не одни и те же, потому что те, кто сами умерли - они воскреснут, а те, кого убили - никогда! Никогда. Никогда их больше не будет. И даже когда ничего не будет, их тоже не будет. И даже когда не будет уже ничего, то все равно хоть что-нибудь будет, а их так и не будет. И греки вымерли потому, что воскресших было мало, а мертвых было много, и мертвые были убитые и абсолютно мертвые, просто мертвецы. И римляне поэтому, ну где хоть один римлянин? нет его ни одного - нигде, ни в Америке, ни в Риме - нигде, только в римской литературе. Даже морские коровы, которые вымерли как греки, тоже все были перебиты, потому что были вкусные. И греки были

вкусные, и тоже были перебиты римлянами, которые были вкусные, яство - вкусное, и его хавают толстые и тонкие дяди. И сухарь без начинки, и отсутствие пения соловьев, которые корыстны в своем пении, потому что уже совокупались, но они не артисты, а артисты - не соловьи, и поэтому поют не просто чтобы совокупаться, а для искусства, а соловьи поют не для искусства, а чтобы совокупаться, тогда может все-все на свете искусство - это и есть желанное совокупление, и каждый Леонардо так сладостно щелкает, чтобы слаще совокупиться со своей пташкой.

Рисунок Александра Лаврова

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ Ч. Притча (со слов В. Мазурова)

Пока искал бумажку, забыл, что хотел.

Про баб, что ли, написать? Про любовь? Первым делом самолеты... Так. Кстати, о самолетах. Знаменитый Ч. с детства в самолетах блевал. Нехорошо ему было в самолетах... Может это и послужило неосознанным толчком к его головокружительному взлету (и в прямом и в переносном смысле - каламбур, что ли?) к профессиональным вершинам и, как говорится, к далеким мирам. Трудно что-то добавить к биографии человека, чье имя знает каждый школьник... Его мать рассказывала, что блевал он не только в самолетах, но и при любом упоминании о них.

Выпускные экзамены в 10-м классе - заблеванный стол председателя комиссии по физике - это только начало. Вступительные экзамены в летное училище пять лет подряд, работа подсобным рабочим на аэродроме, наконец, учеба, исполнение заветной мечты, сотни заблеванных самолетов, тысячи учебных тренажеров, книг, аудиторий... Но беда не заставила себя ждать - вскоре после окончания училища его самолет потерпел аварию. В условиях полного отсутствия видимости, с заблеванной приборной панелью пилот смог катапульти-

роваться. Заблеванный парашют раскрылся поздно. Три долгих года искусственного питания - вынужденный перерыв в повышении летного мастерства. Но уже через год после выздоровления Ч. - летчик-испытатель. Огромный опыт блевания в новых моделях самолетов спустя два года сделал его лучшим, можно сказать, соколом страны.

И вот Ля-Бурже. Русский летчик блевал на самолеты более чем из 50 стран, не считая отечественных. Но, как мы знаем, не это принесло мировую известность покорителю стальных птиц. Зачислением в отряд космонавтов Родина по достоинству оценила его способности. Упорные тренировки под Москвой, в Плесецке, на Байконуре в ожидании своего звездного (в прямом и переносном) часа, второе высшее образование - далеко не все, что было сделано за эти годы. Эта часть биографии покорителя Марсианских песков общеизвестна. Общеизвестен и конец ее - захлебнулся в собственной блевотине, когда ему пришили самолеты.

Это не то, что я хотел. Хотел про баб. А что ж про них напишешь? Не знаю.

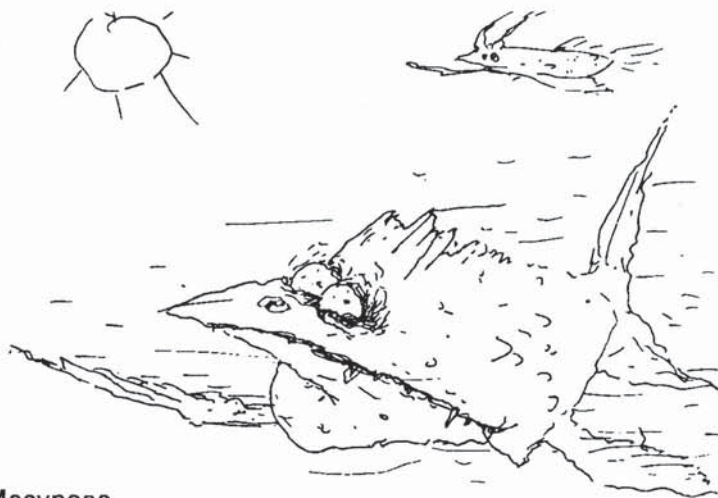

Рисунок Вячеслава Мазурова

экспедиция "Дирижабля"

ПЕСНЬ ПРО ТОЛИКА (Исполнил Анатолий Грошков)

У Ксюши-
баксюши
У Тмарки-
марки
У Гены-
йены
У Асунты-
фунты
У Глафиро-
лиры
У Нисона-
сомы
У Рената-
манаты
У Юрика-
тугрики
У Антона-
купоны
У Димы-
сантимы
У Анки-
франки
У Маечки-
зайчики
У Сары-
динары
У Арона-
кроны
У Мани-
юани
У Булата-
латы
А у Толика, ...
ни рубля.

Рисунок Павла Вещева

Александр ДЕХТЯР

Я еду в железном трамвае
И вижу, как сторож нетрезвый
Железный забор охраняет.
Проснувшись, к окошку подхожу
В натопленной будке железной
И взглядом обводит нетрезвым
Обширных гектаров владенья,
Что складом железа зовутся.
Следит, чтоб ничто не пропало:
На месте ли спичек коробка,
Табак в табакерке железной,
В железной же кружке остатки
Напитка. И сыпет в газету
Щепотку махорки и курит.
А если вдруг кто усомнится
В надежности этой охраны,
Нетрезвый ответит: "Железно!"
И в доброй улыбке откроет
Два зуба в железных коронках,
Поставленных прошлой весной.
Как в жизни железо полезно!

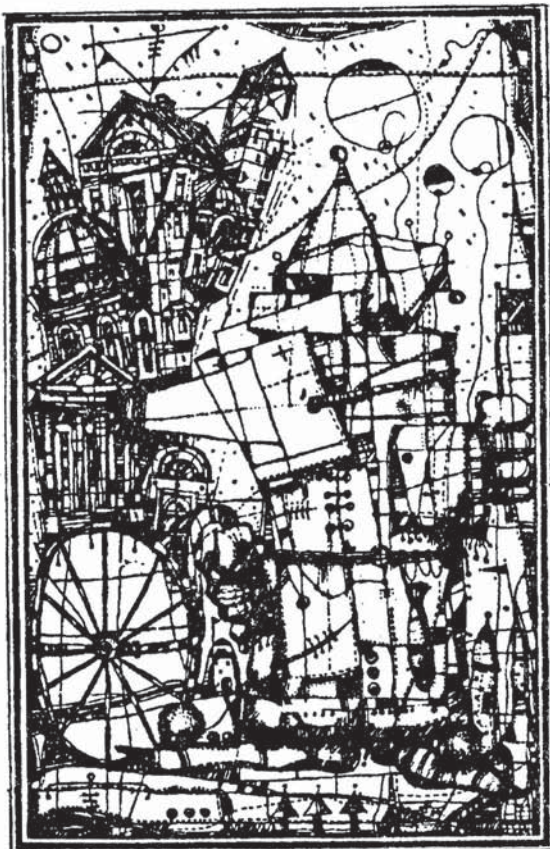

Рисунок Александра Кобяка

Рисунок Василия Бандакова

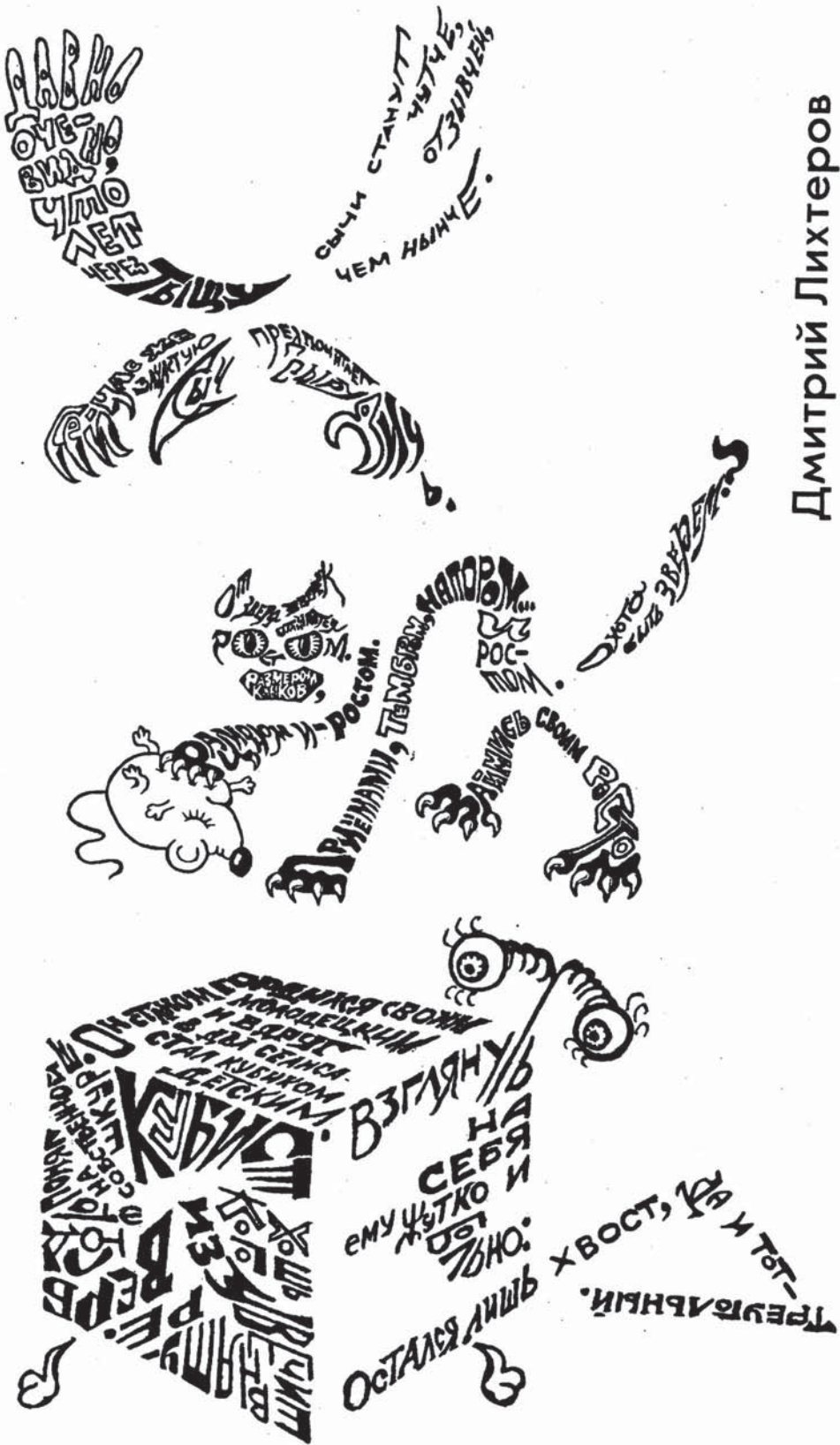
АУ ЛЬВА СПИНА УПРУГА СВЯТА ПРЯНО, КАК КОЛЫЦА У ВОСМЬ
 АУ ЛЬВА ЧЕТЫРЕ АТТЫ, ОТ МИГРЕНИ ЭСКУ-АТТЫ
 ЕСЛИ ВЛЕТИ ЛЕВ ПО СТРАЖЕ, СТАНЕТ ЛЕГЧЕ
 КОЛЫЦА У ВОСМЬ ЗНАКОМЫЕ ЧЕРНОМУ
 КОМКОМ КОМКОМ КОМКОМ КОМКОМ

ИЛИ-БЫЛА РЫБА-ПИКА. НА НЕЕ РАБОТА ТАКАЯ... ПИКА БИЛА
 А ПРЯНО РАБОТА ТАКАЯ... ПИКА БИЛА

МОЮШКА
 МОЮШКА
 МОЮШКА
 МОЮШКА

МОЮШКА МОЮШКА МОЮШКА
 МОЮШКА МОЮШКА МОЮШКА
 МОЮШКА МОЮШКА МОЮШКА
 МОЮШКА МОЮШКА МОЮШКА

МОЮШКА МОЮШКА МОЮШКА
 МОЮШКА МОЮШКА МОЮШКА
 МОЮШКА МОЮШКА МОЮШКА

Дмитрий Лихтеров
 Рассказы о животных

РЕЧЬ АНДРЕЯ БИТОВА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ПРЕЗЕНТАЦИИ ТРЕТЬЕГО ВЫПУСКА АЛЬМАНАХА "ДИРИЖАБЛЬ"

...Я подумал: почему мы любим всех детей, детенышей? И оказывается, что все устроено одним и тем же образом: крутой лобик, вздернутый носик - этим они как-то заявляют о том, что их обижать не надо и вызывают у нас ответное умиление - мы гладим по головке. Вот у меня ощущение от этого издания как от какого-то зверька очень хорошего, хотя он и Дирижабль - большое, да? И вот ветер производит ли Дирижабль, или Дирижабль плывет от ветра - это тоже в полном балансе, это такая категория свободы, которой можно только пользоваться в виде воздушности, в виде струи.

Ну вот и с котятами, с собачатами, с детьми, которых - мы так уже договорились - не можем обижать, тоже происходит разное. Вот одних гладят по головке, а других не гладят. И вот все знают, что есть такие бедные дети, которые не вызывают мгновенной симпатии, можно поранить... из них могут потом получиться гении, но тем не менее, такая определенность существует. И даже котята не всегда бывают привлекательными, и собачки.

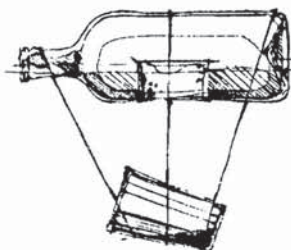
Вот я думал, что же случилось с Дирижаблем, почему ему удалось не вызвать никакого сопротивления восприятия? Ведь очень много возникает всего, и все это встречается достаточно ревниво. И если неизвестно, то и немного пренебрежительно и снобистски, кто такие еще... нашлись. А если уж уровень можно подвергнуть сомнению, то вообще тогда все подвергается огромной критике.

Я наблюдал, как открывали первый номер Дирижабля разные люди. Одни говорят: ой, что это такое, ой, смотрите. Вроде бы там была не самая блестящая проза и не самая блестящая графика. Говорили: ой, как симпатично. Не вызвалось, каким-то образом, даже у злых людей никакого зла. Какая-то такая белая идеологическая защита или просто свобода. Потому что очень много бывает загублено чрезмерными амбициями. Сейчас очень модное слово - амбиции - у нас стало, одна партия амбициозная, и другая амбициозная, но... самоутверждение очень может погубить всякое начало.

Действительно, рост этого издания происходит вместе с авторами. И нет здесь такого столичного представления о провинции, что она может оказаться натужной и как-то соревноваться, и тем обнаружить какой-то не тот уровень. Совершенно ничего, уровень обозначен, и он не может вызвать никакого возражения.

Я приветствую вас, ребята, за вот такую, по-видимому, вам свойственную и с первого вздоха обретенную гармонию. Вот. Значит, вы можете, вы можете расти - если не лопнете, конечно. Дирижабль такая старая вещь, не надо перегреть струю - и у вас будет тихое плавное качание.

Да, еще любопытный такой отклик. Сейчас уже совсем перекорм, а когда они возникали, еще кто-то что-то читал. И вот напечатал в толстом журнале, и вдруг - никто ничего не прочитал. Ходишь, как в воду опущенный, думаешь: ты работал, старался. А тут вдруг "Дирижабль", который всплыл над Нижним Новгородом, тиражом ничтожным, а говорят: я там, смотри, читал вот такую штуку... я читал такую штуку. Я понял вдруг: тиражность не есть условие чтения, это передается все. И таким образом маленькая дырочка вполне может быть рупором, вот...

Хроника необъявленной выставки

Человек не должен быть одинок - таково мое мнение. Человек должен отдавать себя людям, даже если его и брать не хотят.

И я пошел по вагонам. В первом не было никого, только брызгал дождь в открытые окна. Во втором - тоже никого, даже дождь не брызгал...

В. Ерофеев. "Москва - Петушки"

В начале октября в Нижегородском Киноцентре проходила выставка "В ПОИСКАХ ОБЩЕГО: ХУДОЖНИКИ "ДИРИЖАБЛЯ" (Андрей и Евгений Стрелковы, Елена Уралева, Вячеслав Мазуров, Кирилл Скворцов, Ирина Евдокимова, Ирина и Станислав Светоченковы) первое визуальное приложение к альманаху.

Выставка получилась камерная, бесшумная. Всего было мало: выставочной площади, картин, посетителей. И афиши под стать - маленькие, тихие, они ненавязчиво белели (желтели, зеленели) по углам и заборам.

Сюжеты картин незатейливы и обыденны: больничная тетка следит, чтоб не стянули казенное белье с веревки (акварель Е. Уралевой), что такое осень - парк, деревья (пастели К. Скворцова), над Санкт-Петербургом гроздь, ну конечно, дирижаблей (офорты С. Светоченкова). Художники неагрессивны, они не эпатажируют зрителя формальными приколами, не трясут его за шиворот, не тянут за рукав, не лезут в душу с назойливой концепцией.

От картины к картине ходила я в поисках общего. Далеко ходить не пришлось - замечательно созвучны акварели Е. Стрелкова и "царапки" В. Мазурова. Первый рисует кистью в Нижнем, второй режет скальпелем в Питере, но итог один.

Печальны и безлюдны картины Славы. Тускло светит лампа, одиноко ржавеет трехколесный велосипед, затравленно поблескивает кривобокая бутылка, пустой стул в пустынном каком-то месте (триптих "Одинокие вещи"). Вот-вот свалится с мостков в грязную зеленую воду детская коляска (а был ли мальчик-то?) Сдается мне, что и трамвай с акварелей Е. Стрелкова - без пассажиров (цикл "Трамвайное кольцо"). Мокрый снег, полусгоревшее депо (еще пахнет гарью), вагон в тупике ("Конечная остановка"). А этот еще в пути, звенит на повороте, пытаюсь просочиться в сомнительную щель за сараем - может, хоть за углом кто-то в него сядет? ("Поворот")

Безжизненны дома-декорации В. Мазурова - несмотря на обилие антенн, лестниц, переходов (цикл "Архитектурные фантазии"). Не скрипнет снег под ногой прохожего на улицах Е. Стрелкова. И у обоих темные тоннели, глухие брандмауеры, обрывающиеся рельсы... Что это, как не тоска по Дирижаблю - вечно холодному, вечно свободному. А вот и он в струях прозрачного воздуха. Двигается неспешно, а успевает многое.

Это я...

Михаил Погарский
КАМЕРА ХРАНЕНИЯ

Вышло в свет второе приложение к альманаху "Дирижабль"
- сборник прозы МИХАИЛА ПОГАРСКОГО

«КАМЕРА ХРАНЕНИЯ»

(иллюстрации Николая Гнетнева)

Книгу можно купить в Москве в магазине "Салон 19 октября" (метро "Полянка"), в Нижнем Новгороде в магазинах "Наука" и "Знание", а также заказать в редакции альманаха.

Воум!

Вышли в свет второй и третий номера
нового поэтического журнала "Воум!".

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ассоциация "Мир культуры" поддерживает проекты в области издательской, концертной, реставрационной, музейной деятельности.

Директор ассоциации: Анатолий Николаевич Золотов,
тел. (095) 291-09-87.

Художественно-рекламный каталог "АРТ-ПАНОРАМА" публикует авторские произведения живописцев, скульпторов, графиков, дизайнеров, ювелиров, модельеров, плакатистов, архитекторов, театральных художников, впрочем, всех, кто хочет сообщить о себе большому миру. Выход второго выпуска каталога "Арт-Панорама" намечен на май 1994 г.

Публикация произведений в "Арт-Панораме" оплачивается художником.

Фотоматериалы (слайды 6x6 или 2,4x3,6 см) и ваши данные необходимо вложить в конверт и отправить заказным письмом по адресу:

Москва 117312, проспект 60 лет Октября, 9, Издательство "Бюро АРС" для "АРТ-ПАНОРАМЫ".

Тел. (095) 241-82-53

Проект "Арт-Ковчег" имеет целью создание условий для активного сотрудничества, осуществления уникальных творческих проектов, взаимообогащения российской и западных культур. Для решения этих задач осуществляется строительство уникальной по своим архитектурно-дизайнерским характеристикам деревянной парусно-моторной яхты, на борту которой будут реализовываться различные культурные и творческие проекты некоммерческого характера.

Тел. (095) 264-66-41

ДИРИЖАБЛЬ

возник в 1990 году в Нижнем Новгороде как объединение молодых литераторов и художников-графиков из Нижнего Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга вокруг одноименного альманаха.

Девиз альманаха "неспешно двигаясь в струях прозрачного воздуха", появившийся на титульном листе первого номера говорит о том, что редакция, не касаясь вопросов политики, экономики и социологии, намерена отводить страницы издания для свободного творчества, не ограничиваясь в то же время рамками конкретного направления или стиля.

В настоящее время вокруг журнала образовался (постоянно расширяющийся) круг, а точнее эллипсоид единомышленников, через общение на страницах журнала расширяющих собственное творческое пространство и формирующих, таким образом, некую общую метафизическую территорию.

Редакции кажется, что несмотря на значительное различие материала по жанру и технике выполнения в публикуемых произведениях есть то, что позволяет говорить о концепции.

Тема Дирижабля, раскрываемая авторами как:

- а) свободное и, отчасти, непредсказуемое автономное движение в инородной среде
- б) оболочка, позволяющая с одной стороны отделить собственную область, а с другой стороны абсорбировать требуемое снаружи
- в) метафизический прорыв пространства - подобно тому, как дырка в плоскости выводит в пространство, трехмерная полость Дирижабля выводит в четвертое измерение

порождает у авторов многочисленные ассоциации и, более того, предоставляет им новую конфигурацию методов художественного познания Мира.

Не убираясь в объеме литературного иллюстрированного альманаха редакция выпустила в свет поэтическое и прозаическое приложения, визуальным приложением явились две проведенные в Нижнем Новгороде выставки художников-авторов альманаха, в перспективных планах работа в скульптуре и анимации.

Выпуск альманаха осуществляется при поддержке Нижегородской Производственно-Торговой Ассоциации "НИКА", в проведении различных акций редакции оказывали помощь АО "Тандем" (Москва), ВАО Нижегородская Ярмарка, Российский ПЕН-центр, НИЦ "Диатон", НИА "Сенди", Институт Прикладной Физики РАН.

Редакция планирует сотрудничество с Центром Современного Русского Искусства, Международным Фондом "Мир Культуры", другими организациями и частными лицами.

Редактор

